



ИРИНА БОГАТЫРЕВА

# ЖИТИ И НЕЖИТИ

# Ирина Сергеевна Богатырева

## Жити и нежити

### Серия «Этническое фэнтези»

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=8055572](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8055572)*

*Жити и нежити/ Ирина Богатырева: Эксмо; Москва; 2017*

*ISBN 978-5-699-92808-8*

#### **Аннотация**

Яр и Яра, как и все нежити, – бессмертные существа, чей дом – Лес. Брат и сестра, которые некогда были одним целым. Их предназначение – даровать жизнь или смерть человеку, который находится на грани самоубийства. Принимая людской облик, они сопровождают своего подопечного до тех пор, пока не будет брошен жребий.

На сей раз Яру и Яра вытягивает к двум необыкновенным людям – Ёму и Джуде. Ём – молодой талантливый музыкант, любимец публики, окруженный толпой поклонников. Джуда – успешная танцовщица, для которой весь смысл жизни заключается в танцевальном искусстве. И брат, и сестра хотят спасти любимых людей, однако жребий лишь один на двоих.

# Содержание

Глава 1	7
Глава 2	37
Глава 3	84
Конец ознакомительного фрагмента.	112

# Ирина Богатырева

## Жити и нежити



*Здравствуй, брат!*

*Раз ты нашёл эту флешку, значит, я не ошиблась в расчётах, и ты появился в нужном месте в нужное время. Поздравляю! С радостью обняла бы тебя, жаль, что сделать этого мне не придётся.*

*Надеюсь, у тебя всё хорошо. Сама я в порядке. Не скрою,*

первое время мне было тяжело. Да чего там: мне было просто никак. Всё по-новому и очень странно. И еда, и питьё, и другие ощущения. А главное, появился страх. Страх смерти, ты можешь себе такое представить? Знаю, что нет. А я вот теперь могу.

Но ты не волнуйся: сейчас у меня всё наладилось. У остальных тоже. Как поживает Ём, ты без труда узнаешь, погуглив его имя. О нём пишут сейчас больше, чем он сам о себе знает. У Джуды тоже всё хорошо. Первое время на неё было страшно смотреть. Потом отошла. Сейчас она уже не танцует, но часто читает лекции студентам. Недавно вернулась из Индии. О тебе вспоминает с теплом. Уверяю: это самая счастливая женщина из всех, кого я знаю. Она полна таким внутренним светом, что рядом с ней приятно находиться.

Брат, я долго думала, показывать ли тебе текст, который ты найдёшь во втором файле, и всё же решилась. Откровенно говоря, я писала его не для тебя. Я не сомневаюсь, что ты помнишь всё, что с нами случилось, и даже лучше, чем я. Но меня долго мучило чувство вины перед тобой. Будто я нечестно выиграла в лотерею, влезла в свою вечность, зацепившись за кончик чужого плаща. Да, законы мироздания неумолимы, и я до сих пор не понимаю, почему они обошли меня стороной. Меня, а не тебя, мой царственный брат.

Я долго мучилась этим, пока Ём не сказал: хочешь пере-

болеть, напиши. Он человек, он знает. И я решила. И, поверишь ли, помогло. Надеюсь, тебе тоже будет если не полезно, то хотя бы интересно это прочесть.

И последнее. Мой образ жизни не исключает, что я доживу до момента, когда ты снова у нас появишься. И я понимаю, конечно, что тебе не составит труда меня найти. Так вот, заклинаю тебя Лесом: не делай этого! Будь милостив ко мне так же, как и к себе. Закон времени ещё более неумолим, чем закон мироздания. И уж он-то меня не обойдёт. А я хочу, чтобы ты меня помнил молодой. Всегда такой же, как ты, князь.

Поэтому если захочешь увидеть меня, просто взгляни в зеркало.

Доброй дороги, брат!

Люблю и скучаю.

Твоя Я.

P. S. Да, и последнее. Конечно, ты прав: не знающий рождения не знает и смерти. И всё же поверь мне на слово: не знающий смерти не способен и жизнь понять.

# Глава 1

## Голод

### 1

Осиновый лесок был влажен, пуст и на просвет прозрачен. Я лежала в корнях, притаившись, не сводя глаз с поляны под скатом оврага. Охотничий азарт тянул нервы, было колко и весело. Если бы у меня был хвост, он наверняка бы сейчас подрагивал. Но у меня нет хвоста. К сожалению. Или всё-таки к счастью? Не знаю, я пока не решила. Но всё равно дрожать нельзя, можно только ждать, обмерев, и облизывать губы от нетерпения.

Апрель выдался тёплым. Снег уже сошёл, но земля ещё не прогрелась. Лежать было зябко и сыро, но я не обращала внимания. Погода тоже выдалась не очень, солнце не показывалось, и поэтому я не совсем понимала, что будут делать собравшиеся здесь люди. Впрочем, какая мне разница: я точно знала, что буду делать сама.

Они собрались в лощинке, защищённой от ветра, и этим существенно облегчили мою задачу. Не надо было лезть на дерево, выискивая удобную точку. Я просто притаилась на склоне овражка, за кустами, в мягкой жухлой листве. Отсю-

да мне было прекрасно видно всё: и людей, и окружающий лесок на несколько метров вокруг, и даже тропу, ведущую к станции, на случай экстренного отступления. Железка проходила в километре отсюда, время от времени лесок наполнялся гулом электрички, и тем более полная, будто придавленная, наступала потом тишина. Аж уши закладывало. Не лучшее место для медитации, доложу я вам, но этим людям много и не надо. Они не из тех, кто устраивает ретриты в сверхсекретных местах – в горах, к примеру, куда не так просто добраться. Нет, эти попроще, а мне и надо сейчас чего попроще. Правда, они и послабей: истощённые голодом и зимой, изнурённые своим представлением о здоровой пище тётеньки с фанатичными глазами, мужики с лицами язвенников. Заговори с такими на любую тему, они сведут всё к диетам, правильному питанию и к тому, чем травит их современный мир. Мне бы ваши проблемы, ребята.

Бодрее и здоровее во всех смыслах выглядели руководитель и его помощница. Оно и понятно: надо же продемонстрировать позитивные последствия заблуждений. Они что-то вещали, остальные безропотно сидели на гимнастических ковриках, слушали. Иногда до меня долетали обрывки лекции, но я не пыталась вникать: суть сыроедения с последующим переходом к питанию солнечной радиацией меня не интересовала. Я могла бы сама много рассказать про энергетическую экономию, про годы без еды, в пещере, в норе, пахнущей грибами и прелью, но зачем? Как любую нежить, меня

волновало только собственное выживание, и ради этого приходилось ждать и терпеть трепотню солнцеедов.

Вот только солнце сегодня, похоже, взяло отгул. Люди замерзали, я это точно знала: у меня похолодел кончик носа. Значит, произошла сонастройка, ведь мне самой температура окружающей среды нипочём.

«Теперь попробуем все вместе...» – долетело до меня, и люди на ковриках зашевелились, подобрались, выпрямили спины. Я тоже вся подтянулась до кончика несуществующего хвоста. Вот оно, скоро начнётся. Губы пересохли, но теперь я боялась их облизнуть. Сейчас они создадут общее поле, или как у них это называется, и направят свою энергию в одно русло, и тогда не зевай: надо вовремя хватать и тащить.

Спросите, как мне не стыдно? Стыдно. Всегда совестно обирать сырых и убогих, но что делать – других нет. В одном могу заверить: я умею себя ограничивать и не брать лишнего. Разве что совсем не питаться пока не умею. А этим психам, может, даже на пользу пойдёт: хлопнется кто-нибудь в обморок – глядишь, мозгов наберётся.

Вот они закрыли глаза, что-то бормоча и нашёптывая. Лощинка наполнилась гулом, будто рой пчёл налетел. Я напряжилась, как перед прыжком, и для лучшей концентрации тоже прикрыла глаза. Как тут...

...раздался выстрел!

Я не сразу поняла, что это. Сперва показалось, это звук от железки. Но нет. Люди озирались, крутили головами. Вдруг

грохнуло опять, и они завизжали, повскакивали и, оставляя вещи, полезли по склону оврага. Я вытянула шею, пытаюсь разглядеть, что там творится, но тут листья передо мной взвихрились, лицо обдало землёй, и прогремело снова. Я инстинктивно отпрянула, выскочила из укрытия и прыгнула в сторону. Мимо бежали люди. На меня не смотрели. Лес наполнился криками, шуршала взрываемаемая ногами листва. Сомнений быть не могло: по ним стреляли, по этим мирным травоядным кто-то посмел стрелять.

Заряд выбил кусок дерева у меня над головой. Ворох коры и древесных волокон запылил волосы. Что такое? Или в меня?! Я пригнулась и припустила вперёд неловкими зигзагами от одного большого ствола к другому. В глазах замелькали осинки. Кругом паника. Бред, сущий бред.

Загудело, заскрежетало, в какой-то сотне метров пронеслась электричка, и я заставила себя остановиться и унять идиотский страх. Руки тряслись, ноги плохо держали, и, что самое дурацкое, дрожала челюсть, клацали зубы. Я-то с чего так перепугалась? Или это всё та же сонастройка? А может, действительно стреляли в меня?..

Так. Спокойно. Я не человек. Я – это я: нежить, тень, след на песке. Стояла и повторяла про себя, чтобы успокоиться. Мимо в сторону станции продолжали бежать насмерть перепуганные люди. Но я не обращала на них внимания. Было только обидно, что они ушли от меня, но что делать: кто бы мог подумать, что в одном месте охотников будет двое. И кто

этот второй, откуда ему взяться? И главное, почему он стрелял в меня? Если в меня...

Наверное, стоило вернуться. Найти место, откуда он стрелял, ведь там наверняка осталось что-то – гильза, нитка с одежды, хоть что-нибудь, что мне обо всём расскажет. Но нет. Я подавила тошнотное чувство страха, накатившее от одной мысли об этом, и пошагала в сторону станции. Потом, потом. Кто бы это ни был, разберусь с ним потом. А сейчас просто хотелось убраться отсюда. Как можно скорее.

## 2

А какая весна стояла в тот год в Москве! Какая ярая, солнечная, пьяная стояла весна! Как звенела она в ушах, как кружилась от воздуха голова, как несло нас по бульварам – нездешних, пьяных, только очнувшихся, ослепших после долгой спячки. Как душило восторгом и звало куда-то, манило, и нестерпимо хотелось от этой весны всего: лиц новых, людей новых, жизни. Жизни хотелось нам!

Мы появились неделю назад. Мотались по городу, мерили его шагами до изнеможения, заглядывали в лица прохожим. Мы прочесть хотели их; глазами этими, лицами, новыми, свежими хотели упиться, захлебнуться – и не могли, никак не могли. Мы были ненасытны и жадны, как изголодавшиеся юные звери; мы устали не знали и хотели всего. Всего, всего мы хотели.

Уходившись, утомившись, садились в кафе за широким окном или на улице, на железных, промозглых стульях открытых веранд, ещё пустых в это время, сидели и молчали, смотрели, боясь сморгнуть, боясь отвести от мира глаза, чтобы он не пропал. Мы впитывали его и пьянели, пьянели с каждой минутой.

– Как же хороша жизнь, сестрёнка, – говорил Яр. – Нет, ты только посмотри: как же она хороша!

Я соглашалась с ним, но он меня не слушал, ослепительно улыбался подошедшей официантке, так что бедная девушка не знала, куда от смущения деть глаза. Отпустив её и проводив таким взглядом, какой мог бы оставить на коже ожог, подносил к лицу чашку крепкого кофе величиной с напёрсток, закатывал глаза и вдыхал аромат:

– Великолепно. Просто великолепно!

Мы поселились на чердаке старинного купеческого дома. Сейчас там детская школа искусств. Это на Чистых прудах. Из метро выйти к Мясницкой, свернуть в Гусятников переулок, пройти метров двести, потом налево – и будет он: небольшой сквер, тихий, тенистый. При входе памятник гимназисту. Я не сразу узнала его, но Яр подсказал: Вовочка в накинутаой на плечи шинельке, ещё не вождь, ещё не друг пролетариата – простой уездный мальчик.

Наша школа возвышается в глубине сквера замком. У неё две круглые башни с витражными окнами. Наша школа – дворец развития художественного вкуса, слуха и творческих

навыков.

Это с одной стороны.

А с другой, со двора – ветхая дверь на узкую лестницу, забитую пылью, бутылочным стеклом, мусором и палыми листьями. Больше ничего – одна эта лестница вдоль всех этажей и огромный, над всей школой чердак с башнями старых печных труб, просвеченный слуховыми окошками, будто простреленный. Юлик говорил, что ради печей лесенка эта и делалась – по ней поднимались печники и трубочисты, проверяли тягу и чистили трубы. Нынче печи не топят, но раз Юлик что-то говорит, ему можно верить, ведь это его обязанность – всё на свете знать. И чердак нашёл он, он умеет чують такие места, как свинья – трюфели.

– Такое место, такое место, светлейший! – пел он, изнемогая от своего открытия, пока вёл нас к школе. – Славное, славное, князь! – и юлил, и крутился. Яр хмурил красивый белый лоб и на Юлика не глядел. Цезарь тяжёлой походкой ступал сзади, шаги его – как звуки судьбы.

На чердаке – кавардак: ломаные парты, доски, коробки. Старый диван под окном, а напротив – разбитый, некогда белый рояль. Как только затащили его сюда?

– Нравится? Нравится, князь? – лебезил Юлик, теряясь под тяжёлым взглядом Яра.

Брат молчал. Мы ждали. Он неторопливо обошёл чердак, переступая через коробки и мотки ржавой проволоки, стараясь не поднимать пыли. Остановился в луче света возле

рояля. Мы не сводили с него глаз.

– Здесь, да? – спросил задумчиво. Юлик кивнул. Даже он притих, такой далёкий был у брата взгляд. – Ну что ж. Здесь – значит, здесь. Не всё ли равно.

И взял аккорд красивыми тонкими пальцами. Светлейший. Князь. Снова тот, кто он есть.

Мы выдохнули.

Но как бы ни пьянила, ни кружила нас жизнь, и Москва, и весна, слепящая солнцем, всё равно приходится помнить, кто мы такие и для чего здесь. И если уж Юлик нашёл место, если центр сближения вычислен, это значит – игра началась, и ни тебе, ни мне не под силу остановить её, брат. В конце концов, кто мы такие? Тень от тени. Нежить. След на песке.

Однако найти место – это только начало. Теперь надо ждать. Ждать людей, ради которых нас вытянуло на этот раз. Это может продлиться неизвестно сколько. Но Яр умеет ждать, и люди – обычные люди, не *наши* – интересны ему как объект.

– Надо понять это время, – говорит он, стоя под слуховым окном на чердаке. Цезарю удалось его открыть. С крыши текут запахи весны и гниения. Яр принюхивается и что-то в них разбирает. – Какие сейчас люди? Чего они хотят? Юлик? – оборачивается.

– Счастья, светлейший. – Тот равнодушно пожимает плечами. – Люди во все времена хотят только счастья.

– А что им для этого нужно?

– Счастья, светлейший. Людям для счастья никогда ничего больше не нужно.

– Спорно, спорно, – качает Яр головой. – Этого мало. Так было всегда, а что сегодня?

– Ищем, светлейший. Ищем. Обязательно найдём. – Юлик достаёт из кармана брюк старый лорнет на длинной ручке, в один взмах раскрывает и подносит к глазам. – Итак, – объявляет с театральной интонацией, – запросы стандартные: как найти работу... как подложить свинью... как найти мужа... – Вытаскивает планшет и тычет в него пальцем. Мы с Яром в недоумении. – Шаманизм... Тайные учения. Места силы... Целебные вибрации, горловое пение... О, вот что-то знакомое: дао, хлопок одной ладонью. Время хлопка одной ладонью! Не пойдёт? – поднимает на Яра глаза и сталкивается с его металлическим взглядом.

– Ты где это взял? – спрашивает брат.

– А... что? Это?

– Где взял, я спрашиваю? – Голос Яра не предвещает хорошего. Вообще-то он не склонен к насилию. Просто не любит, когда Юлик от рук отбивается.

– Так это... Материализация... – Юлик заметно трусит.

– Я тебе сейчас дематериализацию покажу. – Яр шагает к нему. Юлик вжимает голову в плечи. – Где взял, говорю?!

– Да спёр он его, светлейший, – безразличным тоном отзывается Цезарь. Складным ножом он чистит себе ногти,

развалившись на коробках со старыми нотами. – В ларьке у метро. С витрины стянул. Не стоит дёргаться. Поиграет – и выбросит: зарядника всё равно нет.

Но Яра уже не остановить. Он хватает Юлика за шкуру и швыряет в сторону. Тот старается удержаться за рояль, несчастный инструмент стонет.

– Я тебе раз и навсегда говорю: чтобы никаких выходов, – обрушился брат. – Никаких спёртых ноутбуков, телефонов, случайных кредитов – ничего! Мы не оставляем следов! Понятно?

Он нависает над ним всем своим гневом, бедный Юлик не знает, куда деть глаза. Но Яр остывает, отходит – рояль охнул, когда он снял с него руку, и заплакал, когда Юлик заёрзал на нем.

– Тебя это, кстати, тоже касается, – кидает брат Цезарю, проходя мимо.

– Как можно, светлейший. Без вашего приказа ни один волос...

– Тихо! – обрываю я, прислушиваясь к звукам за дверью. И все замирают.

Слушают.

Не дышат.

Ни единого движения не доносится с лестницы, но я знаю: там кто-то есть. Притаился, тоже прислушивается. Ждёт.

Неслышно – тень от тени – я проскользнула к выходу, замерла на миг, открыла дверь и шагнула на лестничную клет-

ку.

И нос к носу столкнулась с мальчиком лет пятнадцати. Сзади мялся ещё один, маленький, лет десяти.

Они явно не ожидали меня увидеть и удивились моему появлению не меньше, чем я их.

– Здравсьте, – первым нашёлся старший мальчишка и улыбнулся. Лицо большое, крестьянское, и улыбка получилась открытая, какая-то разудалая, честная.

У второго улыбка вышла пожиже. Он трусил.

– Здравствуйте. А вы что тут делаете? – спросила я как можно более строго. Вспомнила, что выгляжу-то взрослой. Для них – вполне взрослой.

– Ничего. Мы так... Тут не было никогда никого. – Большой говорил, а маленький всё смотрел. Не на меня, а на дверь за моей спиной. – Мы отсюда, из школы. И... ну, эта...

– Раньше часто ходили, – ляпнул маленький, и старший его пихнул.

– То есть, бывало, что на чердак поднимались. Он же того... ну, эта. Пустой.

– Пустой был. Да. Теперь мы... – Я тоже осеклась. Говорить, что мы здесь поселились, ни в коем случае нельзя. Мы стараемся избегать людей. Не хватало ещё, чтобы про нас узнали.

Я вдруг почуяла, что дверь за моей спиной приоткрывается. Мальчики неотрывно за ней следили. И тут я поняла, что позади меня кто-то есть. Кто-то маленький и вёрткий про-

ник, незаметно проскользнул у меня под самой рукой. Я резко обернулась, и мальчишки закричали: «Ира, не надо!» – но пигалица, чуть достающая мне до пояса, расчухав, что её рассекретили, резко распахнула дверь.

Комната, которая открылась нам, была небольшой, но уютной. Свет падал из окна в потолок. Он освещал письменный стол тёмного дуба, обитый чёрной кожей диван и стеклянный столик возле него. Стены из гипсокартона сияли свежей бежевой краской. Двое рабочих-таджиков в синих, заляпанных спецовках – один тощий и высокий, другой пониже и покрепче, – приставляли к стене белый рояль фирмы Steinway & Sons, и солнце играло на его крышке. Яр в сером костюме в строгую тонкую полоску, элегантный, как лорд за завтраком, оторвал глаза от планшета и взглянул на нас.

Краем сознания я отметила, что планшет тот самый, Юликов.

– Ярослава, ещё рано пускать посетителей, – сказал брат строго.

– Да, Ярослав Всеволодович, – я послушно кивнула, стараясь закрыть дверь, но пигалица, которую я и разглядеть-то толком ещё не сумела, снова юркнула у меня под рукой и уже была на середине комнаты.

– Ух ты! – выдохнула она, не скрывая восторга. – Как тут стало! А было так прямо – ух! Тим! – обернулась она. – Смотрите! Да не бойтесь! Смотрите, какой рояль!

Мальчики вышли из-за моей спины и оглядывались с вежливым любопытством, больше стреляя глазами на чудесный инструмент. Яр наблюдал за ними поверх планшета. Выглядели они, надо сказать, занятно: были одеты не по моде, точнее, по моде эдак двухсотлетней давности – рубахи и порты на мальчиках, сарафан, белая сорочка на девочке. Разве что лаптей не хватает, а так – Москва образца 1816 года. И простые их лица, вихрастые чубы и русая косица у девочки очень естественно сочетались с этой одеждой.

– И правда хорошо, – вежливо сказал старший мальчик. – Извините, что помешали. Мы не знали, что чердак сдали. Мы думали, тут как всегда...

– Ой, а попробовать можно? – прыгнула Ира к роялю.

– Ира! – одёрнул её маленький мальчик. Но было видно, что ему самому очень хочется поиграть. – Спрашивать надо сначала, – смутившись, добавил он.

– Так я и спросила, у кого спрашивать? – крутилась Ира. – У вас? – заглядывала она в лица рабочим.

– Дыректора, – натужно сказал таджик, тот, что покрепче.

– У вас? – обернулась Ира к Яру.

– Ещё, наверное, нельзя. Точнее, не стоит. Его же только что привезли, его ещё настраивать надо, – рассудительно говорил в это время маленький мальчик, глядя на рояль, как на добрую красивую лошадку, которую и хочется погладить, и боязно. – У нас, когда привезли, он ещё неделю стонал, – добавил, найдя в себе силы отвернуться от рояля и обернуть-

ся ко мне. – Как человек. – И скорчил физиономию, изображая, как страдал привезённый тогда инструмент. Мальчик был в очках, одна линза залеплена пластырем, и выглядело это очень комично.

– Вы музыкой занимаетесь? – спросила я.

– Да, мы отсюда, из школы искусств, – ответил старший и позвал: – Ира, ну всё, пошли. Извините нас, – ко мне.

– А у вас тут что будет? Какие занятия? – крутилась Ира посреди комнаты, пытаясь заглянуть за планшет Яра.

– А вы почему так одеты? – решила я на вопрос.

– Мы из народного ансамбля, – пояснил младший мальчишка. – Бориса Ефимовича Серафимова, не знаете?

– Нет, кто это?

– Дыректора, – выдал второй таджик, тощий и высокий. – Дыректора школа.

– Ира, идём!

– Вы сертификаты выдавать будете? – болтала она, склоняясь почти к самому столу, стараясь поймать взгляд Яра.

– Ира, какие ещё сертификаты? Идём! – Тимофей схватил её за руку. Она вывернулась и засмеялась:

– Какие, какие! На счастливую жизнь! – крикнула и прыгнула вон с чердака, топоча по лестнице быстрыми ножками.

– Ох, извините, – сказал Тимофей, раскланиваясь то со мной, то с Яром. – В смысле нас. Ну, в смысле...

И вслед за меньшим тоже вышел на лестницу, откуда уже неся звонкий Ирин голос:

– Чур я первая Борису Ефимычу расскажу!

– Это кто? – спрашивает Яр, опуская планшет и поднимая глаза.

– Дыректора, – выдаёт Юлик, ещё не успев выйти из роли. – Дыректора шко...

Но обрывает себя, заметив, какой взгляд у брата.

– *Это* кто, я спрашиваю? – повторяет Яр глухо.

– Так ведь дети, светлейший. От детей – от них же никуда не деться...

– Вон, – говорит Яр зловеще. – Вон отсюда. Оба. Пока не сделаете. Чего-нибудь. Полезного. Пока не найдёте. Мне. Человека. Моего. Человека. Иначе распылю. Обоих. Вон!

– Князь, князь, ну мы-то, мы-то при чём, она сама, они теперь сами, они такие, князь... – лепечет Юлик, но Цезарь дёргает его за рукав, и тот замолкает. Брат не злится. Пока что. Но, если его довести, может разозлиться по-настоящему.

– Слушаюсь, княже. – Цезарь коротко кланяется и исчезает.

– Не стоит беспокоиться, светлейший, всё в лучшем, в наилучшем... – бормочет Юлик.

– Вон! – выдыхает Яр. Юлий щёлкает каблуками и исчезает в поклоне. Брат откидывается на спинку дивана и щёлкает языком: – Распустились.

Чердак становится прежним. Хлопья штукатурки и пыли.

Свет сочится сквозь немытое годами стекло. Слышно, как курлычут голуби, постукивая коготками по нагретому скату крыши. На повороте звенит трамвай.

– Директора, – фыркает Яр и включает планшет. – Иди сюда, – зовёт меня.

Я подхожу, тихонько опускаюсь рядом с ним на диван, подо мною не скрипнет пружина. Вместе глядим в монитор. Сперва ничего не видно, потом проступает лестница, по которой вся троица вскачь несётся наверх.

– Это тут, за стеной, – говорит Яр.

Они спешили на третий этаж. По красивой лестнице старинного дома со стрельчатыми окнами с витражами. Неслись наверх, где большая комната до потолка увешана инструментами. Балалайки, колёсные лиры, гусли, домры, огромные трубы пастушьих рожков, окарины, выводки дудочек-кугиклов и обычных свирелей – они были всюду, как в музее, висели на стенах, стояли на полках, ими были заняты столы, подоконники. А посреди комнаты стояли несколько мальчиков в русских косоворотках и портках и играли на жалейках. Музыка получалась хриплая, ещё неумелая, но весёлая: они то и дело обрывали себя и смеялись. Высокий крепкий мужчина, которого мы видим со спины, в клетчатой крестьянской рубахе, отчитывал их, сердясь, но по-настоящему не злился и смеялся вместе с ними.

– Борис Ефимыч! – ворвалась в комнату Ира. – Борис

Ефимыч, там такое!

– Ага. – Мужчина обернулся, посмотрел на неё строго, но в весёлых глазах за стёклами очков искрилась хитринка. – Лисичка-сестричка. А занятие уже сколько идёт? А? Тимофей?

– Борис Ефимыч, – переводя дыхание, начал старший. – Мы не специально.

– Я не сомневаюсь, что не нарочно. – Мальчишки за его спиной захихикали. Тимофей исподтишка показал им кулак. Маленький мальчик успел прошмыгнуть и встать вместе со всеми, вытащил из-за пояса жалеюку.

– Борис Ефимыч, там такое! Вы знать должны! – снова встряла Ира.

– Не говори! – попытался одёрнуть её Тимофей.

– Отчего же? Что случилось? – обернулся к ней директор.

– Мы с чердака! Мы только что на чердаке были!

Все оживились и зашумели. На чердак лазали всегда, хотя это строго запрещалось. И всё же это считалось чем-то вроде школьной доблести, хотя признаться старшим открыто не посмели бы никогда. Тимофей театрально хлопнул себя по лбу.

– Мозги отшибёшь. – Борис Ефимыч сгрёб его, зажав голову под мышкой. – Последние, что остались. – Затем, не глядя на выкручивающегося Тимофея, обратился к Ире. – Ага, ну давай, с этого такта подробней. Что вы там делали? Курили?

– Борис Ефимыч! – возмущённо взвыл из-под мышки Тим. Директор не обращал на него внимания.

– Что вы, Борис Ефимыч! Мы же не!.. Мы же совсем! – зашумели и все остальные. Ире в это время строили самые выразительные физиономии, обещая страшную кару, но она только показала язык и продолжила:

– Борис Ефимыч, там уже беспорядка нету! И нот старых нет! И проволоки! И рояля!

– Правда? – удивился Борис Ефимыч. Тимофей перестал крутиться и тихонько выл. – Куда же он делся?

– Там другой рояль! Новый! Вот такой! – не выдержал маленький, который ходил с ними.

– Федька! – вскрикнула Ира и надулась, отвернулась от него, сложив руки на груди: у неё украли такую новость!

– Рояль? – удивился директор.

– И ещё там люди! – выкрикнул Федя. Начав рассказывать, он уже не мог остановиться.

– Кто? Вы их видели?

– Как вас, Борис Ефимыч, – откликнулся Тимофей. Все в комнате засмеялись.

– Ну уж вряд ли как меня, – справедливо усомнился Борис Ефимыч. Но парня отпустил. – Странно, странно. А что ещё вы там видели?

– Директора, – очнулась Ира. – Красивый такой, в сером костюме.

– И рабочих ещё. Двоих, – добавил Тимофей. – Они ре-

МОНТ недавно сделали.

– И рояль! Борис Ефимыч, вы бы видели, какой там рояль! – не унимался Федя.

– У них там фирма, они сертификаты будут выдавать всем, на счастье! – сказала Ира и расплылась в улыбке.

– Хм, вот как. Ясно, ясно. – Борис Ефимыч потеревил седеющую бороду. Пальцы у него были большие и плоские – пальцы работяги, привыкшего работать с деревом, а не музыканта. Он и сделал своими руками все эти инструменты. Подумав, он прикинул что-то, потом вскинул голову к часам, висящим под потолком, и скомандовал: – Ладно, это мы выясним. Что сидим? Живо за инструменты! И так половина занятия прошла. Кто к концерту готовиться будет?

Яр отключает монитор.

– На двери ставим защиту, – говорит, подумав.

– Брат, он сюда не пойдёт. Может, один раз поднимется, увидит всё в прежнем виде и больше не придёт.

– А дети?

Я молчу. Про детей никогда ничего нельзя сказать наверняка.

– Больше чтобы ни ногой. Из живых – никого. Мы не оставляем следов.

– Да, брат. Я помню.

Он вздыхает и устало прикрывает глаза. Я чувствую его досаду как свою. Но всё же гораздо сильнее – голод.

Поэтому пока он не видит, тихонько подхожу к двери и

выскальзываю с чердака. Я спешу на охоту. На солнцеедов.

### 3

Это всегда так начинается: вдруг непреодолимо потянет к людям. Невыносимо, страстно. И не из-за голода. Чуешь всем естеством: голод тут ни при чём. Так потянет, чтобы не просто выйти на свет, пройтись в сумерках по окраине какого-нибудь селенья, чтобы собаки за заборами сперва обмерли от страха, а после, когда отойдёшь за километр, тоскливо завыли в темноту; и не просто вылезти на обочину, посмотреть вслед проезжающему автомобилю, сесть в кабину к сучающему дальнобойщику, проехаться до съезда с главной, состричь с него, сколько получится, – и опять к себе, в Лес...

Нет.

Начинает тянуть по-настоящему в город, в толпу, и такое беспокойство охватит, такой тоской защемит душу – или что там у нас вместо неё, что начнёшь чего-то ждать, надеяться, даже верить...

Это значит началось. Закрутилось – и тебя понесло. Уже выносит – к ним, к смертным, и остановиться невозможно. Яр называл это *очнуться*. Очень хорошее слово, если вдуматься: вот ты будто в анабиозе, и вдруг случается то, что заставляет тебя вздрогнуть. Сбросить мох. Откопаться из-под жухлой листвы. Покинуть нору, болото, холодную сырую расселину, подвал нежилого дома, склеп, трухлявое дупло в

вековом дереве. Разлепляя глаза, щурясь на солнечный свет, с каждым шагом всё более походя на человека, мы идём, послушные древнему зову: искать, искать, искать. Это значит, что кто-то близок к *порогу*. Это значит, что кто-то получает свой единственный шанс разомкнуть ограниченность. И ты получаешь его вместе с ним. И вот ты почти человек, в облике и подобии человечьем – мыслишь, дышишь, чтобы найти его, *своего* человека. А когда это происходит, становишься *житью* и следуешь за ним, узнаешь его, а потом судишь... Но главное – совсем как люди – цепляешься за эту жизнь. И как же страшно бывает представить, что придётся снова её отпустить...

Да, Яр, как всегда, прав: *очнуться* – очень точное слово. Он говорил, что как люди отличаются степенью осознанности, так и мы отличаемся разной способностью очнуться. И частотой этого процесса. Он утверждает, что мы с ним приходим в себя довольно часто, раз в пятьдесят – семьдесят лет. Яр научился рассчитывать примерную дату и место. Вывел сложную формулу. И стал готовить небольшие схроны, класть туда что-нибудь ценное на первое время после пробуждения. Вот только мы поселились на чердаке – сразу приметил удобное дупло в одном из старых клёнов в сквере, справа от памятника Вовочке. Говорит, когда в следующий раз мы снова появимся здесь же, оно будет в сохранности.

А ещё говорит, что время нашего беспомыслия сокращается. Это значит, мы на верном пути, смеётся Яр. На верном

пути к освобождению естественным путём. Но всё-таки не путём смерти. Не знавший рождения не знает и смерти, говорит Яр, а того дня, когда нас кто-то родил, не помнит даже он. А ему можно верить: он помнящий. Он помнит все наши пробуждения и даже то, что случается между ними. Мне жутко представить, что он помнит. По ночам говорит по-арамейски. По-арамейски, по-эллински, на латыни, санскрите, на старославянском и уду – был такой мертвый язык. Я могу его понять, если захочу, но мне не хочется: сдался мне этот уду? Да и что такого может бормотать Яр во сне: отдаёт военные команды или вспоминает любовницу, тысячу лет назад ставшую прахом.

Я же не помню ничего. Мне так проще. Порой кажется, что и *очнуться* до конца у меня не получается. Во всяком случае, не так, как у брата. А он, по-моему, никогда не теряет сознания до конца. И уж точно не стягивает с людей силы. Как он обходится без этого, я не представляю. Но он не нежить. Он уже *почти* не нежить. А я – да: нежить, дикая тварь из дикого Леса. Голодная и одинокая. Даже среди людей меня нет-нет да и потянет обратно. И тогда я совершаю поступки, за которые мне должно быть стыдно, будь я и правда в сознании. Но мне не стыдно. Вот как с этими травоядными. Не окажись стрелка, я бы стянула с них, сколько сумела. А теперь приходится ехать в город несолоно хлебавши.

Я устало прикрыла глаза. Вечерняя электричка в Москву,

полутёмный вагон, народу много: кто дремлет, кто скучает, кто слушает музыку. У всех на лицах печать прошедших выходящих. Я сейчас такая же, как и они: раздражённая, уставшая. И голодная, чертовски голодная.

Это моя специализация: с незапамятных времён я выбираю для охоты разнообразные человеческие сообщества. Они многочисленны, и, что важно, люди, попав в группу с руководителем, обычно настолько утрачивают самосознание, что не замечают, когда с них тянут. Поэтому всё проходит проще, быстрее и гуманнее, чем при индивидуальных контактах. Их я, признаться, не люблю и практикую в крайних случаях. Но как бы сейчас не пришлось... Нет, очень бы не хотелось: брат узнает – прибьёт.

Поезд затормозил, и в вагон набилась группа молодых людей. Столпились у выхода. Смеялись и громко разговаривали. Я подняла глаза, всмотрелась. Да, сообщество: было в них что-то объединяющее. Но сразу не понять, что именно. Не туристы, не грибники, не реконструкторы – этих я уже встречала. Не сектанты, как те, которые только что от меня ушли. Но всё же что-то общее есть: от них пахло чувством внутренней свободы, ощущением созидательного потока. Только сосредоточены на себе, ничего не замечают вокруг. На себе и своём увлечении. Но что же это? У всех рюкзаки или чехлы. Ясно: музыканты. Только странные какие-то музыканты... Ну да неважно. Сейчас я с них тянуть ничего не буду. Не при посторонних же этим заниматься. Охота –

дело интимное.

Яр успокаивает: дескать, для меня ещё не всё потеряно. Говорит, что утратившие способность очнуться быстро теряют образ и подобие человека. Они становятся нежитью с хвостом – лешаками, чертями, троллями, хюльдрами. Ведь, по сути, в чём разница между Паном и Фебом? – говорит Яр. Только в наличии хвоста. Вот забудешь, что значит *очнуться*, потеряешь человеческий облик – и всё, останешься Паном навек... Так утверждает Яр, и во мне теплится надежда, что не всё ещё потеряно, что если я смогу остановиться, смогу не взять лишнего, то сумею не отрастить хвоста...

Музыканты зашумели, а потом стихли, и донёсся новый, ни на что не похожий звук: что-то звенело, жужжало, переливалось и ритмично вибрировало. Я ещё не поняла, что это, но в голову ударило и неудержимо потянуло туда. И не только меня: многие тоже стали оборачиваться, пытаясь разглядеть источник звука.

Их было двое – крепкая девушка и тощий парень с очень бледным лицом. Они стояли в проходе, вполоборота друг к другу, расставив пошире ноги, чтоб не упасть, и играли на варганах. Да, я узнала: это был варган, зубанка, стальное горло прежних ведунов. Ключи от Леса. Как же давно я не слышала его и не встречала среди людей!

Я почувствовала, как волосы на голове зашевелились: быстро-быстро, сами собой они заплетались в тонкие длинные косички. И через полминуты с цветной копной на голо-

ве, похожая на старушку Горгону, но главное – на них, этих странных людей, я шла по проходу, раздвигая стоящих и не спуская глаз с варганистов.

Они закончили играть как раз в тот момент, когда я пошла. Остальные музыканты захлопали и загудели, поддерживая их. Я похлопала тоже, но на меня не обратили внимания, словно я всегда была с ними. Только игравший парень поднял глаза, но ничего не сказал про моё появление. Вблизи было заметно, до чего же он бледен. Бледность особенно выделялась на фоне чёрной одежды. А ещё у него были очень длинные волосы, собранные в конский хвост, настолько длинные, что конец этого хвоста он заправлял за ремень брюк. Глядя на меня, он меланхолично вытирал варган об усы. Усы были прокуренные, рыжие и топорщились.

– Это всё? А ещё сыграть? – попросила я. Девушка, уже убиравшая варган в коробку, подняла голову. Коробка была большая, красивая, в ней поблёскивали рёбра варганов. Я не поняла, для чего так много одному человеку.

– Да наигрались уже, – сказала она. – На фесте-то. Мы же с фестиваля едем, – уточнила она, заметив, что я её не понимаю. – А ты разве не с нами? – спросила с сомнением.

– Могу быть и с вами... – Она ещё не закрыла коробку, и я не могла отвести глаз. – Никогда не видела столько, – призналась честно, заметив, что она на меня внимательно смотрит. Девушка явно была польщена.

– Играешь? – спросила она.

– Во что? – не поняла я.

– На варгане.

– А. Ну да. Можно и так сказать.

Это, конечно, не совсем правда. Да, я могу играть на любом инструменте. Ни разу не попробовав, я знаю, как это делать. Они для того и созданы, а я умею пользоваться всем, что придумали люди. Но вот то, что я сумею извлечь, будет не настоящей музыкой. Настоящая музыка – это... это я даже не знаю, что такое. Надо у Яра спросить.

Музыка – это наша страсть.  
Очень немногие из нас овладели  
музыкой так же хорошо, как люди.

А в чем-то даже лучше людей.  
Это удалось Яру. Для других же  
это вечная, непреодолимая тьма.

Звуки любого музыкального  
инструмента действуют на нежить  
как зелье, но среди них есть особые –  
особенно сильные. Варган – один  
из них. Правда, он и на людей  
действует схожим образом,  
я заметила. Он вышел из того  
времени, когда мы жили вместе,  
в одном лесу. В его звуках оживает  
древняя память, и, может, поэтому  
он одинаково привлекает и людей,  
и нас, немудей.

– Хочешь? – спросила неожиданно девушка и протянула мне одну из своих железок. – На.

Она будто предлагала конфету. Крупный белый варган таинственно поблёскивал у неё на раскрытой ладони в дурном свете вагонных ламп. По моему позвоночнику пробежал холодок. От макушки до самого кончика несуществующего хвоста.

– Можно? – спросила я непонятно у кого.

– Играй уж! – фыркнул кто-то рядом.

– Только обратно верни, – ввернул другой, и вокруг засмеялись.

Я не ответила, взяла варган и поднесла к зубам. Прижала. Странное, неудобное ощущение, будто ты конь, и тебе в зубы вставляют трензель. Девушка смотрела на меня очень внимательно – наверняка догадалась, что я держу варган в первый раз. Но ничего не сказала. Я покрутила кистью, принаравливаясь, как бы получше ударить, наконец решилась, оттянула язычок и спустила, как тетиву.

В черепе прокатила вибрация, в носу разлилось щекотное чувство, словно хочешь чихнуть. Звук родился долгий, гулкий, и гудело не только вокруг – гораздо сильнее резонировала моя голова. Я прислушалась к ощущениям – и вдруг сильный запах прелости, неведомо откуда взявшийся, окутал меня. Ноги словно погрузились в мох, я ударила по язычку ещё раз – и чувство дома, Леса, охватило, заставило закрыть

глаза, и меня понесло.

Я играла, не понимая как, звуки переливались в черепной коробке, уводили за собой, размывая представление о теле и времени. Мне казалось, я проваливаюсь в забытие, в смутные глубины Леса, откуда нас вытягивает с такой настойчивостью. Не потому ли я так ужасно, так нестерпимо алчу, оказавшись среди людей, так яростно принимаюсь за охоту, что мне не хватает его – нашего мшистого, прелого, заговорённого, счастливого небытия? Кто сказал, мой Яр, что наше предназначение – выйти из него навсегда? Выйти, как сделали некогда люди, которые только лишь воспоминание одно о Лесе носят теперь в душе. Кто сказал тебе, Яр, что несчастны наши братья, оборотни и русалки, потерявшие облик и способность быть житью? Кто сказал тебе, что сам ты становишься всё более счастливым, изживая Лес из себя, всё больше и больше уподобляясь человеку?

Наконец я отняла варган ото рта и глубоко вдохнула. Волна свежести с колкими иглами лишнего кислорода ударила в мозг. По телу растеклась расслабленность, в крови заиграла весёлость, восприятие подёрнулось приятной дымкой. Это слегка одурманило. Я никогда не пробовала, но мне и не надо, чтобы узнать, каково это. Я знаю вкус кофе, шоколадных конфет с ликёром и яблок. Мне достаточно один раз увидеть, как люди что-то едят, и я уже знаю, каково это. Да, мне порой очень хочется чего-то попробовать. Съесть или выпить. Но нельзя. А варган вот можно.

– Ништяк, – протянула девушка. Она смотрела на меня с восхищением и, не заметив, вытерла губы, как если бы сыграла сама. – Ты где так научилась?

Отвечать я не стала. Уши мои раскрылись, и я поняла, что вокруг начали подхватывать вещи, а электричка тормозит всеми колёсами – за окнами светилась фонарями влажно-холодная Москва.

Девушка потянулась за варганом. Я ещё была не в себе и не сразу его отдала. Они с парнем быстро переглянулись, и она сказала:

– Слушай, мы сейчас в клубешник один рвём, там концерт клёвый. Айда с нами, хочешь? Познакомимся, а будет возможность, ещё разок сыграем. Идёт?

Перед глазами вспыхнуло: пьяный трактир, забитый, как бочка, крики, драка, балалайка и варган. Как было когда-то. Или сейчас это выглядит не так? Терпеть не могу такие места, но на худой конец там можно пожить.

– Айда, – кивнула я, и бледный парень неожиданно улыбнулся.

– Ништяк, – одобрила девушка. – Я Даша. А это Виксентий. Рванули, а то опоздаем.

# Глава 2

## Найти своих

### 1

Магазин «Радужный лотос» на Покровке – старейший в своём роде в Москве. Начинали с книг по йоге и Кастанеде и занимали всего две комнаты. Постепенно нарастили ассортимент, и магазин разросся в глубь здания, раздробившись на отделы, захватив пространство сначала на первом, а потом и на втором этаже. Внизу работали хиромант и гадалка. Наверху снимали фотографию ауры. В закутках, пропитанных запахами благовоний и наполненных отзвуками шаманских инструментов, можно было посидеть с книгой или помедитировать. В большом зале наверху располагалось веганское кафе, но сейчас стулья и столики раздвигали, вывозили стенды с серией книг – готовились к встрече с автором.

Николай, коммерческий директор магазина, редко приходил на работу раньше пяти; поднявшись по лестнице, он уставился на зал в недоумении. Вообще-то он не привык удивляться. Он был одним из основателей и по праву считал себя головой «Радужного лотоса». Он знал здесь всё, и всё прошло через его руки. Он был одним из долгожителей

места: уходили директора, другие основатели предпочитали большую часть года проводить в тёплых странах, а продавцы вообще сменялись быстро – у одних начиналась аллергия на благовония, другие ехали крышей от немолкнущих песнопений. Выживали только те, кто обзаводился цинизмом, для этого места он был необходим, как белые кровяные тельца, ответственные за иммунитет. У Николая цинизма было в избытке, поэтому поразить его чем-либо было нельзя.

И всё же он в недоумении оглядел преображённый зал. Он мог поклясться, что ещё вчера в расписании этот день был пустой, план загрузки он составлял на месяц вперёд.

– Алексей? – Директор остановил пробежавшего мимо продавца, щуплого и прыщавого мальчика с зачатками дредов на голове. Впрочем, почти все продавцы в магазине были щуплые и прыщавые, будто таков корпоративный фейскод. Имя на бейдже у него было написано от руки и неразборчиво. – Ты Алексей? Неважно. Что здесь происходит?

– Презентация, – ответил тот лениво. Он жевал жвачку, и пахло от него химическими фруктами.

– Я и сам вижу. Спрашиваю, с чего вдруг, кто распоряжение дал?

Продавец пожал плечами и сделал попытку скользнуть дальше.

– Погоди. – Николай перехватил его за рукав. – А книги? Книги откуда?

Он ткнул пальцем в стойку. С неё смотрели десять томов

одного автора в одинаковом оформлении. Различались они только по названию и цвету пиджаков на фотографии улыбающегося мужчины. Легко было догадаться, что встреча будет именно с ним.

– Автор принёс. – Алексей снова пожал плечами.

– Автор? Какой ещё автор?

– Вот этот. – Продавец махнул в сторону освещённого места. Там стоял долговязый тип в пиджаке песочного цвета и распорядился, что куда нести. Тип ни капли не походил на ослепительного улыбчивого мужчину с обложки.

– Это не автор, – сделал вывод Николай.

– Ну, не автор, – легко согласился Алексей. – Представитель издательства. Я не знаю. Но книги приволок он. А вон ещё доволакивают, – указал на поднимавшегося по лестнице крепкого мужика с коробкой и поспешил раствориться от дальнейших расспросов, пока директор переключил внимание.

– Уважаемый, – Николай шагнул к мужику. – О поставке с вами поговорить? Нам бы документики.

– Ничего не знаю, – простуженно ответил тот, останавливаясь у стойки и с грохотом опуская коробку на пол. – Я таскаю. Начальник вон, с ним разговаривайте.

– Да что, в самом деле, тут такое творится? – вспыхнул Николай. – Никто ничего не знает!

– Что случилось, в чём проблема? – вдруг втесался слева рыжий тип в песочном костюме. – Юлий, – представился,

зжмуриясь, и манерным жестом подал Николаю белую тонкую руку. – Управляющий Яр-Мирроу-пресс. В чём дело?

– Вы от издательства?

– От него. – Юлий извлёк из блестящей визитницы искрящуюся карточку. Николай на неё не взглянул. – В чём, собственно, вопрос?

– Документы бы на книги? – повторил Николай. – И вообще, с кем договаривались?

– Эти книги неподотчётные. Раздаточный материал. Промакция. Ограниченное количество, – протараторил представитель.

– Раздаточный материал? Это что – бесплатно, что ли?

– Совершенно верно, – Юлий учтиво наклонил голову.

– Что за ерунда? В торговом зале? Такого у нас не бывает. Это магазин, соображаете? Кто разрешил?

– С дирекцией оговорено, – Юлий снова учтиво склонил голову.

– С какой дирекцией? Я и есть дирекция. Ничё, что я не в курсе, да?

– Николай Дмитриевич, мы ещё вчера обговорили всё с Надеждой Фёдоровной. Она не против. Договорённость была такая: по две книги каждого тома в бесплатной раздаче, остальные – в зале.

– В зале – это где? – Николай наигранно огляделся по сторонам. – Нет ни черта в зале!

– Это только в вашем восприятии чёрта нет, Николай

Дмитриевич, – спокойно ответил Юлий. – А книги были отгружены вам не позднее как вчера. На складе поищите.

– Отгружены? Никаких поставок я не...

– Помилуйте, Николай Дмитриевич. Мы и накладную обратно получили. Вот, проверьте: подпись, печать. Книги были закуплены в рассрочку. – Юлий ловким жестом извлёк бумагу и сунул ему под нос.

– Закуплены?.. – глаза Николая округлились: на накладной внизу красовались печать и подпись – его собственная и главного бухгалтера. – Сейчас, – он стал шарить по карманам, чувствуя, что цинизм впервые его подвёл, – я сейчас Надьке позвоню...

– Кстати, Надежда Фёдоровна просила передать вам привет, Николай Дмитриевич, – проворковал Юлий. – И ещё сообщить, что улетает на Гоа. Штаны вам привезёт, как и обещала.

Николай стал красный, потом белый, в итоге заскрежетал зубами, не зная, что сказать, развернулся на пятках и пошагал к двери в подсобку. По пути прикрикнул на продавца, пробежавшего мимо со стопкой книг.

Юлик беззвучно засмеялся. Потом посмотрел на часы и достал телефон. В тот же момент трубка начала звонить. Юлик сорвался с места, пересёк комнату, слетел по лестнице, расталкивая посетителей в тесных проходах, продрался через торговый зал и вылетел к входной двери.

Я не сильно ошиблась: именно трактир, старый пивной подвал – вот что представлял из себя этот клуб, и он был битком набит. Душно, шумно и тесно, потные люди прыгали, пили и смеялись, танцевали, наступая друг другу на ноги, и над всем этим, под сводчатым потолком старого погреба метался оглушающий, гадкий, но совершенно виртуозный наигрыш на волынке. Когда мы вошли, на сцене стоял высокий худой кучерявый парень и играл, извиваясь, прыгая, беснуясь, насилуя свой инструмент. Остальные музыканты – две флейты, мандолина и барабан – уже поняли, что рядом с волынкой им делать нечего и просто смотрели на него, позволяя закончить бесовское соло. Когда он отыграл и общая мелодия возобновилась, зал завизжал и захлопал, заглушая музыку.

Даша, только войдя и увидев музыканта, завизжала и вклинилась в толпу как ледокол. Нам с Виксентием надо было не отставать, чтобы вслед за нею протолкаться к самой сцене.

Музыка смолкла. Кругом орали, хоть уши затыкай.

– Вот так сюрприз! – стала кричать в микрофон флейтистка. Дыхание у неё срывалось, будто она только что пробежала стометровку. – Какой нам подарок на день рождения! Это наш друг, Ём! – Крики, аплодисменты. – Он только сегодня

приехал. Ём, не уходи, сыграй ещё!

– Ём! Ём! – скандировал зал. – Ё-ом! – визжали девицы, напирая со всех сторон и ложась на сцену грудями.

Меня зажали, отрезав от Даши. Выдохнула, сбросила с себя кого-то, вывернулась и вгляделась в музыканта: в связи с чем такой ажиотаж? Ну да, внешность у него смазливая: тонкие губы, острый подбородок, кожа белая, ресницы длинные, как у теляти, под ними – прозрачные, голубые глаза. Чувственность, эмоциональность, самовлюблённость, эротизм и талант – всё это читалось у него на лице. Отличный коктейль для музыканта, и неудивительно, что девицы так визжат. Вот только глаза у него были светлые, живые, лучащиеся вдохновением. Он играл, не потому, что ждал от зала любви, а потому, что это было его жизнью, иначе он не мог. И улыбка простая и лёгкая. Хороший мальчик, хороший. Я пожелала ему счастья и рванулась к Даше, чтобы не потерять.

– Ём! Ём! – Она прыгала у сцены как мячик. Рядом стоял Виксентий с печатью едкой иронии на лице. – Ём! Ём! Ём!

Музыкант положил волынку и склонился над громоздким чёрным чемоданом, заполненным инструментами. Достал оттуда две части замысловатой флейты и стал собирать. Зал взорвался радостным криком, Даша завизжала как резаная, у меня аж уши заложило.

– Кто это?

– Да ты что? Это же Ём! Ёма не знаешь? К нему на концерт не попасть. А тут – сам пришёл. Пусть без группы, один. Но

всё равно: Ё-ом! Таких людей надо знать.

– Он же вроде в Австрии живёт? – очень стараясь показаться равнодушным, спросил Виксентий.

– Ага, в Вене. Только он русский. Ём – звезда. Он с такими музыкантами играет! С этим, например... ну, как его? С барабаном который. И с этой. Из Англии, она ещё вот так поёт. И на арфе играет... У него группа своя, мегасупер, ты что! И сейчас как раз по России турне. Не, ты прикалываешься, ты не можешь не знать!

Я пожала плечами. В этот момент сбоку к сцене подошёл холёный мужчина, одетый так, что сразу стало ясно, насколько случайно он в этом клубе. Поманил к себе Ёма и стал что-то втолковывать, показывая на часы. Тот кивал, соглашался, но продолжал скручивать свою флейту и смотреть в толпу такими глазами, будто он всех держит в руках. Мужчина с недовольным видом отошёл к стене. С ним была красивая, такая же холёная женщина, невысокая и точёная, как статуэтка из слоновой кости.

– Это Джуда, она танцует, – продолжала Даша. – У неё школа, оттуда ребята сегодня танцевать должны под «Солнце». Ну, «Велесово солнце», эта вот группа, у которой днюха. Их многие поздравить пришли: музыканты, танцоры. Вот и Джуда... А этого хлыща я не знаю.

– Я зато знаю, – буркнула я.

– Ты? – удивилась Даша и обернулась на меня. – И кто он?

– Да так, – я неопределённо передёрнула плечами. – Айс

зовут. Мы случайно познакомились. Неважно.

– А, – протянула Даша, – понятно. – И в глазах отразилась не то уверенность, не то вопрос: «Трахнуть хотел».

Ничего тебе непонятно. Нет, не хотел. Разговор у нас был короткий и странный, под стать нику, которым он представился. Столкнулись мы на лекции, только не для бедных травоядных, а элитной. Это было два дня назад, моя первая вылазка в люди. Ради чего я туда попала, ясно. А вот что он там делал, не знаю. Когда всё кончилось, подошёл ко мне с вопросом, которого я не поняла. Мне удалось быстро улизнуть, но неприятное чувство осталось. Не люблю, когда люди меня замечают. Яр правильно говорит: нам нельзя оставлять следов. Очень не хотелось, чтобы он меня увидел сейчас.

Музыка всё не начиналась. Ём крутил дудку, другие музыканты о чём-то переговаривались в глубине сцены. В зале стоял гам: похоже, перерыв в концерте никого не напрягал. Люди общались, проталкивались к барной стойке, брали пиво, там то и дело взрыкивал кофейный аппарат.

И вдруг Виксентий, воспользовавшись паузой, схватил за руки меня и Дашу и поволок к микрофонам, прежде чем я успела что-либо предпринять.

– У нас тоже есть музыкальный подарок! – объявил он, выставляя нас вперёд, будто мы им и были. – Пока наши гости из-за рубежа готовятся, – он так выразительно глянул в сторону Ёма, что стало ясно: если бы тот вообще сегодня не заиграл, он бы не расстроился, – мы хотели бы... Разрешите-

те? – обернулся к флейтистке. Та кивнула. Видимо, они все тут друг друга знали.

Виксентий склонился к ремню, где у него, как в патрон-таше, был целый арсенал варганов разного размера, выбрал три: два всучил нам с Дашей, а один оставил для себя. Встал перед микрофоном, выразительно посмотрел на нас, выждал паузу – и начал играть.

У меня пересохло в горле: я чуяла, что не владею ситуацией. Я нежить, я тень, я не должна быть на людях. Мне нельзя быть на людях. Повинуясь инстинкту, стала прятать лицо за косами. В глаза била разноцветная подсветка, люди внизу – тёмная вода, неприятная, колышущаяся тёмная вода. И все глядят на меня, так и норовят поглотить.

О, Лес! Что же делать?

Даша уже играла, закрыв глаза и почти не слушая Виксентия. Тот тоже играл и не выглядел теперь уставшим и бледным, а был весь как трепещущий на ветру лист. А я растерялась. С варгана полезла информация, замаячила перед глазами, и не удавалось этим управлять: как делали его, кто на нём раньше играл... Какие-то укуренные лица у костра, сидят и смеются, и холод влажного летнего вечера, и звёзды, и треск сучьев в огне – от страха это стало для меня реальной, чем сцена, Даша, Виксентий и толпа у ног, которую я не видела, но, как о ночной реке, знала, что она есть. Нет, надо прогнать видение. Надо играть. Я сумею. Они могут – сумею и я.

Но я не знала, когда вступать. Я просто не слышала: ни мелодии, ни общего ритма – ничего. Вот рубит воздух, размеренно и просто, Даша. Вот Виксентий выводит рулады. А я? Где должна быть я?

– Бу, бу, бу, бу.

Что это? Лес мой, да это, оказывается, я! Такой низкий варган, такой тихий, что я не слышу его. И их не слышу. И не умею играть. Вообще не умею.

Перед глазами всё смешалось: зрители в зале, музыканты на сцене, и эти, прежние хозяева варгана, смеющиеся у костра. Но музыки, живой, пульсирующей, не получалось. Я слышала это, чувствовала. Но продолжала:

– Бу-бу-бу, бу-бу. Бу, бу, бу.

Какое счастье, что меня сейчас не видит Яр. Яр, который до сих пор с восторгом вспоминает старика Баха. Который плакал, когда хоронили Вагнера, а ведь я до этого была уверена, что плакать он не умеет. А в блокадном Ленинграде Яр одному скрипачу подбрасывал хлеб.

Скрипача потом в бомбёжку убило. А меня бы он сам сейчас пришиб. И правильно бы сделал.

Наконец этот ужас кончился. На ватных ногах я стала спускаться со сцены, смутно слыша, как нам хлопают, и поймав взгляд Ёма вслед. Я мечтала раствориться, но тут встретилась глазами с Айсом. Без сомнения, он меня узнал. Однако, по счастью, ему не было до меня дела. Он подошёл к сцене не ради меня, к Ёму. Снова показывал на часы и за-

метно нервничал. Я, как в первый раз, подивилась, насколько это красивый человек. Редкая, породистая красота. Правильные черты, серьёзные глаза. Но он вызывал настороженность. Объяснить это я не могла. Может, потому что сам подошёл ко мне. Не я, а он.

– Спасибо, друзья! – говорила флейтистка. – А Ём тем временем собрал свой жуткий агрегат. И он нам сыграет тоже. Правда, Ём?

Тот кивнул, улыбнулся и заиграл. Айс посмотрел на него недовольно, с раздражением махнул рукой и пошёл к двери вместе со своей спутницей, красивой, как индийская богиня Парвати. Толпа перед ними расступалась – слишком было заметно, что они не отсюда, не из этого мира клубешников и патлатых молодых людей. Я постаралась вжаться в стену, когда они проходили мимо. Придётся уйти позже, чтобы не столкнуться с ними в дверях.

А тем временем Ём играл. Звуки флейты летели под сводами зала, как красивые нездешние бабочки. Глухие, пряные, барочные, и вся музыка была о забытом и ушедшем. Когда мы были другими, когда люди были другими и Лес не был так безвозвратно далёк... Рядом маячил Виксентий, очень витиевато и мудрёно рассказывал, как ему понравилось со мной играть, и что у меня несомненный талант, мне надо заниматься, и может, мы как-нибудь встретимся, может, поиграем вместе, он бы мне показал, научил... Но я его не слушала. Мне стало нестерпимо грустно от этой музыки, я сделала

над собой усилие, отодрала себя от стены и вышла из клуба.

Остановившись в проулке, я стала вдыхать влажный воздух Москвы. Утолённая было варганом жажда подкатила опять, а вместе с ней тяжёлая тоска. Сегодня меня угнетало всё. Даже собственная природа. И болезненно тянуло в Лес. Ведь если бы не то, что позвало нас сюда, я была бы сейчас там и ничего не помнила. Выходила бы к людям в сумерках. Вдыхала бы запахи живых. Пугала бы собак. И никого не жалела. Ведь мы нежити, тени. Не люди – следы на песке...

– Привет, – раздался сзади голос. Я вздрогнула и обернулась. Не люблю, когда ко мне обращаются, когда меня вообще замечают. Хотелось тут же дёрнуть, но я обмерла: это был Ём. И он улыбался. Хорошо, очень по-человечьи. Мне стало тепло. – Ты здорово играешь. Где училась?

Улыбка у него оказалась нерусская, и даже померещился акцент. Но от этого он был только милее. Я одёрнула себя: мне-то какое дело до его милоты?

– Так. – Пожала плечами и отвела глаза.

– Я тоже играю. Но не так, как ты, – сказал он.

– Да, слышала, – усмехнулась я. Шутка получилась удачной: сравнить варган с его флейтой было всё равно что гиппопотама с арабским скакуном. Тоже по-своему лошадь. Ём оценил юмор и засмеялся. Смех у него был приятный. Он мне всё больше нравился. И это напрягало.

– У меня с собой варганов нет, – сказал он. – Они дома. А то могли бы вместе сыграть. Ты как на это смотришь? – и

он мне вдруг подмигнул.

Тут я почти испугалась и ляпнула первое, что пришло на ум:

– Ты с самолёта? – И кивнула на большой чёрный чемодан на колёсиках, который жался сзади к его ноге. Ём рассмеялся так, словно я сказала что-то очень весёлое. Но сбить себя с толку не дал:

– Слушай, ты что сейчас делаешь? Я недалеко живу. Пойдём ко мне? Я понимаю, что поздно, но всё-таки. Я бы тебе свою коллекцию варганов показал.

Он не шутил. Я посмотрела на него с удивлением, и во мне вдруг проснулся азарт. Для чего он зовёт меня, понятно как день. Но голод толкал не отказываться от того, что само идёт в руки. А к тому же варганы... Как тут устоять?

– Пойдём, – согласилась я, и он присвистнул, словно не ожидал, схватил меня за руку и повлёк за собой как второй чемодан.

### 3

Яр стоял на ступеньках, не отнимая телефона от уха. Слушал гудки и смотрел на распечатанную на жёлтом листе афишу с собственной фотографией, рекламой книги и обещанием счастливейшей жизни в скором времени всем, кто придёт на встречу. Лицо его было мрачным и не очень походило в этот момент на фото с обложки.

– Светлейший! – залепетал Юлик, прижимая руки к сердцу. – Князь! Что же вы! Мы ждём. Входите!

Яр обернулся, одарил его тяжёлым взглядом и молча вошёл в магазин. Юлик забежал то справа, то слева, раздвигая перед ним людей. Яр шёл, ни на кого не обращая внимания. Его осанка, чёрная трость с тяжёлым набалдашником, благородная внешность делали своё дело лучше, чем Юлик – люди расступались и смотрели вслед. Некоторые потянулись за ним.

Под стук трости, в полной тишине Яр прошёл на место лектора и опустился на стул. Обвёл комнату холодным взглядом. Посетители и продавцы, за миг до этого развернувшись к нему, поспешили уткнуться в книги. Только три человека, сидевшие на стульях для слушателей, так и остались смотреть. Это были пожилая дама с огромным количеством оберегов на груди и запястьях; патлатый юноша, по внешности претендующий на продавца этого магазина, однако отсутствием цинизма в глазах выдающий себя с головой; девочка, похожая на школьницу чистыми очами, в очках и короткой юбке, словно сошедшая с экрана аниме. На крайнем стуле вполоборота сидел средних лет мужчина и держал на коленях раскрытую книгу, делая вид, будто совсем не ждёт начала выступления.

Хотя его ждали все.

Даже сам Яр.

Поставив трость перед собой, он оперся на неё руками и

оглядел собравшихся. Юлик выждал театральную паузу, после чего громко кашлянул и вышел между ним и залом.

– Пожалуй, можно начинать, – сказал он, вскидывая руку с часами. – Самое время. Подтягивайтесь, господа. Садитесь поближе. Да, да, вы, в зелёном. Что же вы стесняетесь! Быть может, то, что вы сейчас услышите, перевернёт вашу жизнь. Алексей! – махнул он рукой продавцу, тихо расставлявшему книги с фотографией Яра на стеллаже. – Будь добр, дружок, принеси нашему гостю воды. И мне заодно. Итак, господа, – обернулся к залу, – сегодня наше издательство радо представить вашему вниманию серию книг, без которых ваша жизнь не имеет смысла. Что мы знаем сами о себе, господа? Что каждый из нас о себе знает? Уверен, из всех вопросов мироздания этот – самый сложный. Мы ничего о себе не знаем. Кто мы? Зачем? Чего хотим от жизни? Такие простые вопросы, на которые годами ищут ответы. Впрочем, сам факт, что вы находитесь здесь, говорит о том, что вы на верном пути. Правда? – он сделал шаг к стульям и резко наклонился над дамой в цветастой одежде, так что та ойкнула и отстранилась.

– Мы все хотим счастья! – Развернувшись, Юлик ушёл в глубь зала и стал вещать оттуда, усилив голос. – Счастья! – раскинул он руки, словно выпустил в небо трепещущую птицу. Привлечённые его голосом, со всех углов комнаты стали подтягиваться люди. – Но нам всё время что-то мешает. Что именно? Уверяю вас, если мы сумеем разобраться в этом,

мы устраним все препятствия на пути к обретению счастья. Спасибо, дорогой, поддержи пока, нам не надо, – обратился он к тихо вошедшему с двумя стаканами продавцу. Тот остановился как замороженный. – А сейчас, господа, позвольте вам представить нашего гостя. Ярослав Всеволодович Вронский! – Юлик развернулся, театрально выбросив руки в сторону Яра.

С потолка вспыхнул прожектор, блеснув на серебряном набалдашнике трости. Яр не изменился в лице. Семь человек, сидящих к этому моменту на стульях, неуверенно захлопали. Остальные тихо и недоверчиво, как тараканы, стекались со всех углов.

– Ярослав Всеволодович – уникальный человек, – говорил Юлик, вновь обернувшись к публике. – Всего несколько дней, как он вернулся из духовного уединения. За последние шестнадцать лет он успел побывать в горном монастыре, учился у мастеров Шаолиня, был посвящён в древние практики. Но всё это уже после того, как прожил десять лет среди индейцев Южной Америки. Будучи ещё студентом, Ярослав Всеволодович попал в Эквадор, где его самолёт потерпел крушение над лесами Амазонки, и оказался единственным, кто выжил. Его подобрало племя индейцев, и год за годом он жил среди них, участь охотиться с ядовитыми стрелами, участвуя в тайных ритуалах и открывая для себя мир, не доступный белому человеку. Обо всём этом, о древних таинствах племени уна-на-туа, обрядах потребления священного

растения куо-лопатль и поисках синего гриба кзиду читайте в первой книге. Однако! – Юлик набрал побольше воздуха и повысил голос, обводя глазами двадцать сидящих и с десяток стоящих по периметру. – Однако, господа, в нашем мире уже никого подобным не удивишь. Сколько их было, просветлённых учителей, принесших свет знаний! Нас избаловали, господа. Нас развратили. Знания тоже развращают. Мы перестали чувствовать вкус мудрости. Нам дают готовые рецепты вместо того, чтобы самим позволить пройти путь открытия. Не в этом ли кроется причина бесполезности учений? Вот вы, – он снова шагнул к даме в цветастом. Она сидела ближе других и была замечательным объектом для нападения. – Что вы всё пишете? Я до сих пор ничего важного не сказал.

Он выхватил у неё из рук разбухший от записей и вложенных газетных вырезок блокнот. Женщина всплеснула руками, но Юлик уже перелистывал страницы:

– Ауробиндо<sup>1</sup>. Йогические пассы для женской привлекательности. Чего не стоит есть козерогам. Горячие дни для горячего секса. О, как неожиданно! Вы что, дорогая, хотите сказать, что всё это изучили? Да если бы вы в должной степени изучили хоть что-то из этого, вы не сидели бы здесь, я вас уверяю. Посмотрите на нашего гостя. Его сама жизнь заставила пройти всё до конца – и вот он здесь, а вы до се-

---

<sup>1</sup> Шри Ауробиндо (1872–1950) – индийский философ, организатор национально-освободительного движения Индии.

дых волос будете конспектировать Кастанеду. Лети! – крикнул Юлик и подкинул блокнот к прожектору.

Листы взвились вверх, закрутились в луче и устремились по залу, порхая белыми бабочками. Женщина ахнула и принялась их ловить, подпрыгивая на месте. Люди крутили головами, а рой бабочек покружил под потолком и устремился на первый этаж. Оттуда подтягивались новые слушатели, привлечённые шумом в обычно тихом зале.

– Не плачьте, дорогая, – сказал Юлик, обращаясь к женщине, хотя та и не думала плакать, – мы вам поможем. Возьмите эту книгу и утешьтесь. Сегодня бесплатно. Поверьте, в ней вы найдёте больше полезного, чем во всех ваших тридцати исписанных листах блокнота. Ибо, как говорит уважаемый гость, единственное, что в нашей власти, – это отношение к миру. И единственное, что стоит между нами и счастьем, – это заблуждение о том, каким ему быть. Не верите? Сейчас мы вам это докажем. Внимание, господа! Презентационный сеанс управления отношением к миру по методу Ярослава Вронского! Всё, что описано в десяти книгах, вы увидите сейчас за пять минут! Не пытайтесь повторить – эксперименты с реальностью опасны! Цезарь, зеркало!

Явился тот самый коренастый, который вносил ящики с книгами, и вкатил большое, в рост человека, завешанное чёрным шёлком зеркало. Юлик смахнул шёлк, ткань порхнула через освещённое пространство врановым крылом. Старое, помутневшее стекло в тяжёлой раме отразило проход

меж стеллажами мрачно и тускло. Проектор притушили.

– Идите ко мне, дорогая, – позвал Юлик даму, понизив голос до проникновенного баритона. – Идите сюда, не бойтесь.

Дама отчаянно замотала головой.

– Я! Можно я! – запрыгала на месте девочка из аниме и блеснула очками.

– Вы? – Юлик быстро оценил её. – Ваше время ещё не пришло, милочка. – И снова обернулся к женщине: – Идите же. Или боитесь потерять то, что копили годами? Не бойтесь. Другого случая вам не представится.

Он схватил женщину за руку и рывком выдернул её в лекторское пространство. Она ахнула, выронив сумку. По полу покатались яблоки, ручки и мобильный телефон. В полутьме показалось, что они ползут серыми мышками. Не давая женщине опомниться, Юлик поставил её перед зеркалом, одернул руки, поставил прямо и указал на отражение:

– Смотрите! Смотрите, я вам говорю. Как вас зовут? Не слышу. Ещё раз! Виктория Сергеевна, ну что же вы, как маленькая, право слово. Смотрите и ничего не бойтесь. Больно не будет. Обычное зеркало, в какое вы смотрите каждое утро. Что вы в нём видите? Себя. Таковую, какая вы есть. Правда же?

Зал погрузился в темноту, и только над женщиной остался гореть свет. Она отражалась в нём со всеми своими бирюльками, с нездоровым лицом, кругами под глазами, с морщинами на шее, в болоньевой синей куртке, из-под которой выглядывало какое-то немислимое одеяние. В глазах – расте-

рянность. Было неясно, отчего она так напугана и несчастна, хотя ничего с ней не происходило.

– Смотрите, Виктория Сергеевна. Такой вас видят все. Вам сорок четыре. Второй развод. Двое детей. Год в школе йоги. Гурджиевские движения в Геленджике. Суфийские кружения – это повелось недавно. Ах, да, ещё пять лет в обществе сознания Кришны – извините, как я мог пропустить, это же самая счастливая пора жизни. Первый муж. Он там так и остался, в сознании, а вы из него выпали. Простите: переросли. Итак, это то, как вас видят все, запомнили? Но разве это то, какой вы сами хотите себя видеть? – обрушил Юлик вопрос и щёлкнул пальцем.

Явился Цезарь и вывез второе зеркало, поставил вполоборота справа от первого, напротив. Порхнул жёлтый шёлк, прикрывавший его, занялся боковой свет – и второе отражение проявилось слева в главном зеркале.

Это была та же женщина, но боги, до чего неузнаваемой предстала она! Дородная, властная, в белом облегающем деловом костюме, на каблуках, делающих её на голову выше. Платиновая блондинка с модельной стрижкой и сексуальным макияжем. В руке крошечная сумочка, куда поместятся разве что мобильный, помада и ключи от автомобиля. Впрочем, что ещё нужно такой женщине? Ничего больше ей не понадобится, потому что всё остальное она носит за своей спиной, как запах дорожных духов: собственный прибыльный бизнес и сеть дорогих бутиков для души, дети в Кем-

бридже и частной закрытой школе, любовник моложе её на десять лет, три дома в Подмосковье и квартира в элитном районе. Ну, ещё дом на Кипре. В довесок.

Люди стали привставать с мест, желая раскусить фокус с отражениями. Первое мелко затряслось, глядя через зеркало на второе. Второе стояло с вызовом и лишь презрительно косилось на первое сверху вниз. То, что отразилось оно через заднее зеркало с лица, презрев все законы физики, уже никого не волновало.

– Что ж, выразительно, мда-с, – хмыкнул Юлик, теребя подбородок. – Неожиданно, я бы сказал. Вот, оказывается, как представляется вам ваше счастье. В вас, Виктория Сергеевна, бес тщеславия, как я погляжу. Хе-хе! Ну что ж, посмотрим, что мы можем сделать. А точнее, посмотрим, что мешает достижению идеала. Что стоит между вами, какая вы есть, и этой, так сказать, целью. Любопытно? Мне и самому любопытно! Цезарь!

И третье зеркало выкатилось из-за стены. Зелёная ткань порхнула яркой птицей, прожектор занялся слева, и справа в первом зеркале отразилось нечто непотребное, уродливое, похожее на Викторию Сергеевну как сестра-близнец, которую в младенчестве заколотили в бочку. Оба отражения покосились на неё, первое – в ужасе, второе – с омерзением. Существо, низенькое и кособокое, было уродливо не только само по себе, но ещё и от массы цветастых нечистых тряпок, перьев, ракушек, которые были на него нацеплены. Злобное,

готовое вот-вот броситься и покусать, оно смотрело маленькими глазками, но было в них море страха. И вызывало оно только жалость.

Для своих фокусов Юлик использовал не обычные зеркала. Да, простое человеческое зеркало тоже всегда готово показать вам больше, чем вы видите, — показать то, что находится по обе стороны от границы, которой оно звлается. Есть желание проверить? — просто взгляните в глаза собственному отражению подольше, в сумерках или в полночь. Взгляните, а потом как бы невзначай переведите взгляд назад, себе за плечо. Обнаружите там много интересного. Наши же зеркала — особые.

Это та же граница, но не по сю, а по ту сторону. Они обращены внутрь и отражают не то, что видно всем, а то, что каждый несёт в себе.

Поэтому не стоит пытаться повторить его фокусы: эксперименты с реальностью опасны.

– Что ж, это предсказуемо, – задумчиво сказал Юлик, глядя на чудовище. – Комментировать стоит? – обратился к залу. Зрители оглушённо молчали. Зал был полон. Люди толпились меж стеллажами, стояли на подставных ступеньках, тянули шеи. Напряжённые глаза блестели из темноты. Из-за дверей в подсобку торчали головы продавцов. Алексей с двумя стаканами по-прежнему стоял на границе света и тени.

– А чего тут комментировать, – сипло, но неожиданно громко произнёс Цезарь, так что все обернулись к нему. – Задрючили бабу. Чего непонятного.

– Цезарь, голубчик, выбирай выражения, – поморщился Юлик. – К сожалению, Виктория Сергеевна, это не что иное, как то, что вы видите в себе сами. Как вы смотрите на себя, ежедневно говоря, что вы ничего в жизни не можете, что всё вам мешает. М-да, с такими успехами по самовнушению вам бы экстрасенсом быть, – улыбнулся он. Женщину уже не трясло. Она беззвучно рыдала. Юлик покачал головой. – Ну что вы, дорогуша. Поздно пить боржоми. Лет двадцать целенаправленно уничтожаете себя, ничего удивительного, что вы достигли успеха. Жалко вас, но как вам помочь? Или поможем? – обратился он с сомнением к Цезарю. Тот лениво пожал плечами.

– Поможем! – вдруг крикнул кто-то из зала.

– Вы полагаете? – оживился Юлик. – Думаете, это стоит того?

– Стоит! – отозвалось ещё несколько голосов.

– Смотри-ка, Цезарь. А ведь ничего себе люди, – промолвил Юлик как бы про себя, а потом задумчиво посмотрел в зеркало. – Что ж, уважаемая Виктория Сергеевна. Вспомним, что единственное, что в нашей власти, – это наше отношение к миру. К миру – читай, к самому себе. Любить себя стоило, дорогуша. Любить. Ну а теперь чего? Будем действовать иначе.

Неожиданно свет погас, и центральное отражение пропало. Вспыхнул луч в глубине отражённой части зала, так что стало видно глубоко, как по длинному коридору. Все заворожённо глядели туда, и их словно засасывало в отражение трёх зеркал.

В конце этого коридора появился Юлик. Как он успел уйти из лектория, никто не заметил, но вот он уже выходил и выходил, бесконечно выходил, как в святочном гадании, из глубины отражений, и свечение преследовало его. Наконец он достиг рамы и остановился. Посмотрел налево, на успешную бизнесвумен. Посмотрел направо, на уродливое существо. Ни тени эмоций не вызвали они у него. Дал руку одной. Дал руку другой. Послушно, как дети, обе протянули ему ладони. И тогда, подняв над собой руки, он поменял их местами, как в старинном танце. Жеманясь, женщины прошли перед ним и заняли каждая новое место. Юлик ещё раз поклонился первой, затем второй, потом лихо выпрыгнул из зеркала и оказался рядом с Викторией Сергеевной.

– Теперь ваш шаг, милейшая, – шепнул Юлик ей на ухо, но расслышали даже те, кто сидел в дальнем ряду. – Я всё, что мог, для вас сделал. Теперь вы. Ну же. Решайтесь. Вам надо всего-то ничего: выбрать.

Но женщина стояла не двигаясь. Она не плакала, только тихонько всхлипывала, шмыгая носом. Минута текла, подтачивая нервы. Наконец Виктория Сергеевна подняла глаза, и её отражение тоже посмотрело перед собой.

Медленно, с испугом, оно повернулось налево, потом направо. Медленно, как будто не веря, что это происходит с ней, обняло маленького уродца. Обернувшись ко второй женщине, обняло её тоже и взяло за руку.

Уродец пропал, боковой свет исчез. Две женщины, держась за руки, остались стоять в зеркале. Потом всё погасло, и они пропали.

Зал вскочил на ноги. Всех охватило возбуждение. Смотрели безумными глазами и что-то кричали. Виктория Сергеевна готова была упасть. Юлик подоспел вовремя, чтобы подхватить её за локоть.

– Алексей! Воды! Воды, скорее!

Викторию Сергеевну усадили на стул, брызгали в лицо. Цезарь закрывал зеркала и увозил из зала.

– Ну что ж, я надеюсь, это было достаточно наглядное представление того, что написано в книгах нашего уважаемого Ярослава Всеволодовича. Ярослав Всеволодович частенько любит мне говорить... – Но продолжить Юлик не

мог: бросив взгляд на стул в глубине сцены, он обнаружил, что там никого нет. Только трость одиноко стояла, поблескивая набалдашником.

Впрочем, этого никто не заметил. Зал заходил. Все говорили в голос и разом. Юлика окружили. На вопросы он не отвечал, только пытался продраться вон и раздавал визитки направо и налево. В толпу вклинился Цезарь, расчищая путь, и поволок его к лестнице.

– Спасибо. Спасибо. Звоните. Да, помогает, всем. Спасибо... – рассыпался Юлик, улыбаясь и кланяясь.

– А меня? А меня? Можно ещё и меня?

У самого выхода их догнала и повисла на руке Юлика аниме-девочка в очках.

– Тебе рано, детка, – сказал Цезарь неожиданно мягким голосом, без тени простуды. – Карму ещё не замусорила.

Детка с обидой надула губу.

– Ты просто так приходи. – Юлик протянул карточку. – Может, и с тобой найдём чем заняться.

– Найдёт он, бес, – хмыкнул недобро Цезарь и ткнул Юлика в ребро, пока тот любовался на тонкие ноги в спущенных полосатых гольфах и рыжих кедах. От толчка Юлик пришёл в себя, они вместе вывалились на Покровку, огляделись по сторонам и рванули на Чистые пруды, – догонять Яра.

Он шёл по песчаной дорожке, чеканя шаги.

– Князь! Светлейший! – кричал Юлик издали. – Подожди-

те!

– Во что ты меня впутываешь, – проговорил Яр сквозь зубы, не оборачиваясь.

– Но князь! – растерялся Юлик и обернулся на Цезаря, ища поддержки. Тот предусмотрительно сбавил шаг. – Ведь ничего зазорного. Как и договаривались, никакого обмана.

– А к чему балаган? Фокусы с зеркалом? Книжки? И это? – Он презрительно посмотрел на трость, которую Юлик держал в руках.

– Но... но ведь это цитаты, князь, – лепетал Юлик, а его песочный костюм стыдливо линял, меняя цвет на неприметный тёмно-зелёный. – Одни лишь цитаты. Люди их так любят... Им приятно, когда они слышат что-то знакомое.

– Меня не превращай в цитату! Хочется развлекаться – пожалуйста. Хочется клоунады – вперёд. Но в будущем – без меня, ясно?

– Светлейший, но...

Яр его не слушал, шагая дальше. Юлик постоял на месте, вспомнил про трость, покрутил, не зная, куда её деть, воткнул во влажную землю и побежал догонять. Палка, чуть качнувшись из стороны в сторону, обернулась молодым саженцем липы, обдуваемым слабым ветерком.

– Каюсь. Грешен. Судите меня, князь! – Юлик забежал вперёд и сорвал с себя кепку. – Не удержался. Но... но ведь это же всё так невинно! Они же как дети, светлейший. А ведь без них – без них мы что? Скучно, князь! Князь?

Но Яр, застыв, смотрел прямо, сквозь него, не слушая и, уж конечно, не понимая. Юлик обернулся.

Группа весёлых студенток с ветром в волосах, трещоток в джинсах и лёгких курточках, удалялась по дорожке Чистопрудного бульвара. Легконогие молодые бестии, пахнущие духами и табаком, громкоголосые, как сороки, прошли, и мы увидели другую – ту, что стояла с краю дорожки, пропуская их. Ту, ради которой нас вытянуло на сей раз из дремучего Леса.

Яр понял это сразу. По боли в сердце. По головокружению. По приступу смертельной тоски.

– Она, князь, – молвил Юлик, и голос его прозвучал глухо, как у приговорённого.

– Она, – подтвердил Цезарь.

Они стояли втроём, провожая её глазами. А она – невысокая, ладная, точёная, как статуэтка из слоновой кости, – уходила в сумерках бульвара, в авитаминозном головокружении весны. Девушка, ставшая главной целью, смыслом нашего бытия.

Яр это знал.

Юлий и Цезарь это знали.

И я это тоже знала, хотя и не была с ними, однако эхо встречи коснулось и меня.

Кольнуло сердце, перехватило дыхание. Я зажмурилась, вздохнула и улыбнулась.

Так было всегда, братишка. И если вот уже появился он,

*наш* человек, значит, песочные часы перевернулись, и время, время нашей жизни неумолимо потекло вниз. Ведь мы нежити, тени. Не люди – следы на песке. Мы живём, пока нужны им, – а потом снова Лес, и забвение, и пустота. И ничего нельзя с этим поделаться. Только жить. Хватать её ртом, эту жизнь, пить, пить, пока не напьёшься, пока не упьёшься – только как же упиться ею, как же успеть?..

Быстрыми шагами она дошла до зебры, пересекла улицу, села в припаркованный автомобиль и укатила вниз по Бульварному.

– За ней, – одними губами молвил Яр. – Следить. Узнать. Всё. Каждую секунду. Подробно. Дословно.

– Слушаю, светлейший, – поклонился Юлик.

– Будет сделано, князь, – отозвался Цезарь.

Над бульваром зажглись фонари. На повороте прозвенел трамвай. Старая Москва зябко куталась в холодные сумерки.

## 4

Из Замоскворечья, где находился клуб, мы шли на Тверскую. По Пятницкой до моста, через Москву-реку, над студёными набережными, над потоками машин, кипящими красными и жёлтыми огнями, мимо Кремля, застывшей его средневековой души, по Красной площади, мимо Лобного места – чёрный чемодан Ёма прыгал по брусчатке «цоп-цоп-цоп», а перед глазами вставали прежние образы этого грешного го-

рода. Я благодарна существованию, что мы выходим именно сюда от раза к разу: есть в нём что-то от Леса, он вырос из него, как могучий дуб, стягивая к себе солнце и воду, стягивая к себе силы со всех земель. Есть что-то дремучее, тёмное, *наше* в душе этого города. Сколько всего прошло, а он не меняется, всё тем же мрачным великаном стоит и насупленно смотрит вокруг себя.

Я отдыхала, окунаясь в древнюю его суть, а Ём тащил меня и тащил. Он не то не чувствовал, не то не желал чувствовать дремучего очарования ночной Москвы, вышагивал метровыми шагами, увлекая меня и чемодан, и трепался без умолку, будто год по-русски не говорил и теперь навёрстывал. Хотя, возможно, так оно и было. Про Вену, про концерты, про Лондон и Прагу, про Будапешт, про Париж, Копенгаген и Осло. Про какую-то подвальную студию в Нью-Йорке, где раньше писались только чёрные джазмены за гроши, а теперь час времени стоит бешеных денег. И про варганы. Ну конечно, куда без них. Он, видимо, считал, что мне только про это и интересно.

– А ты давно играешь? А у тебя их много? Я тоже на досуге люблю побренчать. Хороший инструмент, маленький. С собой куда хочешь возьмёшь, это тебе не волынка. – Он смеялся. – Можно будет вместе поиграть. Дуэтом, говорил и как-то загадочно подмигивал, а мне приходилось глупо хихикать и тупить глаза, вроде как я очень стесняюсь. На самом деле я давно уже всё с него считала: варганов у него дома не

было. Ни одного.

И снова про концерты и гастролы, пока с оглушительной Тверской мы не свернули в арку, где чемодан загрохотал по парапету в неожиданной гулкой тишине.

– Брюсов переулочек, – сказал Ём. – Знаешь, почему Брюсов?

Я быстро проверила информацию: Якоб Брюс, учёный Петра Первого.

– Почему? – притворилась веником. Мужчины любят, когда тебе можно чего-нибудь втереть.

– Жил такой колдун, Яшка Брюс. В петровские времена. Люди говорили, в полнолуние вылетал из трубы и наводил всякую дрянь на жителей. У него ещё книга колдовская была. Он с её помощью с сатаной общался.

– Да ты что! – говорю с придыханием. Веник веником. Аж самой себе хочется что-нибудь втереть.

Петровскую Москву я помню, как ни странно, хорошо. Узкие улочки, снег с навозом, всё это скользит, разъезжается и снова замерзает. Стрельцы в красных кафтанах. Бояре в смешных шапках. Их, правда, помню смутно, а может, и не помню, смешалось уже с картинами, которые видела после. Хорошо помню немецкую слободу на Яузе, весёлые домики, пахнущие свежей древесиной, детишек в белых подштанниках. Яшку Брюса не помню. Да и неудивительно – всех упомянешь ли? Пусть даже их именами потом десять переулочков назовут.

Мы прошли два дома. На углу крайнего я заметила вывеску: «Союз композиторов». Ём свернул и подкатил чемодан к стеклянной двери подъезда. Открыл, пропустил меня. За стеклом будки дремала консьержка. Ём назвал номер квартиры и направился к лифту. Старушенция кивнула и проводила меня неприветливым взглядом. Будто ценник навесила на спину. Я передёрнула плечами.

Подъезд был в два этажа. И зеркало на стене – тоже. Я мельком глянула на то, как мы отразились: высоченный, кудрявый Ём, чемодан и я. Где-то я это видела... Ах, да, у Серова: шагает по берегу на ветру царь Пётр, а за ним еле поспевают его приспешники – чемодан и я.

В лифте – красного дерева, тоже с зеркалами – мы с Ёмом друг на друга не смотрели. Поднимались высоко, лифт еле полз.

– Ты чего сдулась? Устала? – спросил Ём, когда двери открылись и мы вышли на площадку.

– Нет. Всё хорошо. А он на чём вылетал? На метле?

– Кто? – Ём достал ключ и распахнул дверь. Шагнув в тёмный коридор, щёлкнул выключателем. – Кто? – повторил, разуваясь.

– Брюс. Якоб.

– А. Я не знаю. – Обулся в домашние тапочки и пошлёпал на кухню, бросив чемодан в коридоре. – Проходи, – говорил оттуда, гремя посудой, так просто, будто я каждый день сюда прихожу. – В комнату. – Он вернулся, зажёл свет и снова

скрылся на кухне.

Квартира была большая, с высокими потолками. Над дверью к стене прикручен велосипед. Был освещён лишь коридор, и дальние пределы помещения терялись в темноте. В глубине угадывались комнаты.

– И про книгу интересно. Куда она пропала?

– Да я не знаю, что ты! Проходишь? – Он звенел посудой.

– Ой, как прикольно! – сказала я как можно громче, продолжая изображать веник.

Зайдя в комнату, увидела окна в два ряда – до потолка. По стенам – шкафы и стеллажи. Я почему-то ожидала обнаружить бедлам. Однако, напротив, было аккуратно до крайности. На полках – книги, ноты, пластинки, диски. Старый проигрыватель в углу. Высокий, на длинной ноге светильник с перевёрнутым торшером: свет бил в потолок и рассеянно озарял комнату. Фотографии в рамках. В полутьме не различишь, что на них. И инструменты. Везде: на полках, на полу, на стенах – струнные, ударные, духовые... Как в музее. Я не знала и половины. Столько лет их собирал. А какие-то сам делал.

Квартира меня угнетала. Она была полна истории семейственности и рассказывала о себе всяким предметом и любой мелочью. И что надо было совершить предкам Ёма, на какую пойти подлость в то время, когда подлость была нормой, чтобы Ём жил сейчас здесь? И даже не жил – залетал, проездом. И всё же – да, надо было пойти. Мне не хотелось

об этом знать, но история лезла ко мне со стен, со старых фотографий, которые я не могла разглядеть. И мне надо было сделать усилие, чтобы этот поток остановить и выбрать только то, что нужно, – только про Ёма.

В обратном порядке – Вена, Париж, Москва, развод, музыка, музыка, консерватория, авангард на кассетах, джаз на пластинках, школа, музыка, музыка, мама за роялем, папа-ядерщик, дедушка-генерал, музыка, бабушкин фотопортрет на стене – она в белом, как невеста, за огромной оркестровой арфой, погремушки, деревянная решётка кровати, и музыка, музыка, му... Всё, конец. Код ДНК. Остального мне знать не нужно.

– Скучаешь? – Ём вошёл с бутылкой вина в одной руке, с двумя бокалами – в другой, он держал их за длинные ножки. – Нравится?

– Впечатляет, – я обвела взглядом комнату.

Щёлкнул выключателем, убрал верхний свет, оставил только перевернутый торшер. Сразу стало уютно, и говорить захотелось тише, а его лицо в таком свете стало ещё красивей и притягательней.

Во мне натянулись нервы: будет. Сейчас всё будет. И нечего тушеваться. Как будто в первый раз. Да, я не люблю такой охоты. Да, мне приятнее иметь дело со стадом, чем смотреть человеку в глаза. Но если это идёт к тебе в руки, неужели упустить? Тем более что ничего с ним не станет дурного. Я же не хочу ему ничего дурного.

– Ты это сам сделал? – Я кивнула наверх. Половина комнаты была разделена антресолью, туда вела лесенка, но что там, нельзя было разглядеть. Внизу – полки и разобранный диван. Ём спал здесь.

– Ага. Это когда-то моя комната была. В других родители жили. И дед. А здесь я вписку устроил. Кто по трассе через Москву шёл, вписывались у меня. Некоторые неделями зависали.

– А родители чего?

– Ничего. Не в восторге, конечно, но ничего. Дед ругался. Но его умиряли.

– А сейчас? Ну, я это...

– А сейчас нет никого. Не переживай.

Он ответил так, что спрашивать больше показалось неудобно.

– А это... инструменты. Тоже сам? – перевела я тему, указав на большую лютню с кожаной декой и толстыми жильными струнами.

– Сам.

– И придумал тоже сам?

– Что ты! Это старинные инструменты. Сохранились чертежи.

– И ты на всём играешь?

– Конечно. А ты? Играешь на чём-нибудь? Кроме варганов?

– Не-а. – Я помотала головой. Он говорил со мной, как

с дурочкой. Ну и хорошо, пусть считает дурочкой, мне не жалко.

Хотя, конечно, это неправда, что не играю. Ну да я уже говорила.

– Вина? – Ём поднял бутылку. Она осветилась изнутри бордовым.

– Нет, спасибо. Я не пью.

– Что, совсем? Настоящее бордо, во Франции покупал.

– Нет, правда. Ты варганы обещал. Покажи лучше варганы.

– Ах, варганы, – усмехнулся он, поставил бутылку и фужеры на столик, а сам подошёл к дивану и потянулся к полке. – По правде говоря, вот здесь все мои варганы. Да ты садись, чего стоять-то. Не бойся. Иди сюда.

Он сел на диван и похлопал рядом с собой. Как собачке. Я послушно села и взяла из его рук большой чёрный альбом, стала листать, не упуская из внимания, что делает сам Ём и его руки. Но он ничего не делал: сидел и глядел на меня. А я смотрела в альбом.

Он был полон фотографий музыкантов. Разных музыкантов, с самыми разными инструментами. Большие концертные залы и тесные европейские улочки, знаменитости, на чьи концерты мечтают попасть годами, и обычные ресторанные лабухи. Скрипачи, духовики, пианисты, барабанщики. Попадались и варганисты, но мало. В действительности было совершенно неважно, какой у этих людей инструмент. На фо-

тографиях были не люди, а *проводники*. С ними иногда такое бывает – я знаю, о чём говорю. Изменённые, экстатичные лица. Прозрачные, истончённые, словно вот-вот надорвётся, лопнет тонкая грань бытия – и хлынет то, что мучительно давит изнутри, то, что стремятся они выразить своей музыкой.

У меня озноб прошёл по спине.

– Это твои?

– Мои – что? – не понял Ём.

– Фотографировал ты?

– А, ну да. Это хобби – портреты коллег, так сказать. – Он усмехнулся. Но смеха не было в его голосе, он прекрасно знал, что снимает. И ему было важно, увижу ли я это.

– Жуткие. Никогда не видела музыку такой.

– Её мало кто с этого ракурса видит. Это как пенальти. Ты куда смотришь, когда бьют пенальти?

– Я футбол не смотрю.

– Я в этом не сомневался. Но ты же можешь себе представить. Поле. Вратарь. И один футболист за одиннадцать метров. Бьёт по воротам. Куда ты смотришь в этот момент?

– В ворота? – сказала я, понимая, что он к чему-то клонит, но от меня хочет услышать именно этот ответ.

– Все глядят на ворота! – Ём радостно слопал наживку. – Или на вратаря. Максимум на мяч. На трансляции камера будет следить за мячом. А надо смотреть на футболиста. Всё самое важное происходит в нём. Попадёт – не попадёт. То

же самое в музыке. Ты – слушатель, и ты в воротах. А надо смотреть на игрока.

– Ты хотел сказать, на музыканта.

– Ну да. А я что сказал? Просто всё самое важное происходит в этот момент в нём.

Отчего-то я тут же вспомнила моего стрелка. А ведь мне тоже стоило бы смотреть на него, а не туда, куда он целит. Кто он? Откуда? И всё станет понятно – попадёт, не попадёт... Я вздрогнула и вгляделась в Ёма по-другому.

– О, вижу, ты поняла, – усмехнулся он.

Я ничего не ответила и перелистнула страницу. Было несколько пустых, а в самом конце вклеены открытки. От них меня передёрнуло. Это были открытки начала XX века. С девушками, одетыми в кружевное бельё, чулки, туфли с круглым носом и на круглых каблуках. Иногда зачем-то ещё и в цилиндрах. Все в крайне распутных позах и с дурацкими глазами. И у всех варганы. У кого-то во рту. У кого-то на груди. У кого-то – огромные, просто гигантские варганы, и девушки эти приходили в упоение от их размера.

– А вот, собственно, и они, – сказал Ём. В голосе звучало удовольствие. Я чувствовала, что он за мной наблюдает, и понимала, что краснею, но ничего не могла с собой поделать. – Нравятся?

– Нет, – честно призналась я.

– Да ладно... – Он не поверил. – Не может быть. Это приятель мой делал. У него выставка была. Там вообще целая

история с ними вышла.

– Погоди, так это что, свежее?

– Свежайшее. От силы два года. Приятель мой, в Вене живёт. А сам из Лейпцига. Это игра такая была. Стилизация. Оттого и скандал вышел. Он их на выставке старых порно-открыток показал. Хорошо сделаны, да? Не отличишь, ещё печать специальная. И даты стоят, заметила? Тысяча девятьсот восемнадцатый год.

– Но зачем?

– Зачем? – Ём пожал плечами. – Не знаю. Интересно было.

Подписи к открыткам были на немецком. Я не стала читать, поспешила пролистнуть.

На последней странице была только одна фотография. Чёрно-белая, но современная. Девушка была отснята трижды, в разных, хотя и похожих позах, с разным поворотом головы. Она сидела на корточках, не глядя в кадр, расставив в стороны острые худые коленки. Фон – чёрный, и сама девушка – лишь фигура, намёк на тонкое нагое тело, контуры которого выхватывал свет. Волосы собраны в тугий пучок. Лица не разглядеть. И только скрипка, которую она держала между ног, между раздвинутых коленей, – только она в статике и фокусе.

Меня обдало жаром. Эта совсем уж недопустимая фотография была полна такой жизненной силы, что у меня перехватило дыхание. Как будто я уже глотнула жизни, как будто я уже получила то, чего жаждала весь день. От неё исходило

чувство жизни, жизни, побеждающей смерть. В ней были и музыка, и любовь, и вот не будет этой девушки и фотографа не станет, а фотография всё равно будет источать эту неодолимую силу.

У меня защемило в груди. Я увидела студию, расставленный свет, модель-эстонку по имени Ангелика. И Ёма, глядящего на всё это из глубины помещения. Его собственный замысел...

Я подняла глаза – и вздрогнула: Ём смотрел на меня такими же глазами, как тогда на модель.

– А эта? – спросила я неясно о чём.

– А это – потом, – так же непонятно ответил Ём.

Голос у него стал глухой, взгляд – прицельный. Он бродил по моему лицу, и я физически могла чувствовать, на что он смотрит.

– А почему именно скрипка? – спросила я тихо.

– Скрипка не скрипка... Какая разница? Всякая музыка должна быть сексуальной. Иди сюда, – он придвинулся и мягко, одним движением откинул меня на диван. Это было не слишком неожиданно, поэтому я послушно вытянулась и обмякла, даже закрыла глаза, как перед погружением в воду, готовая через секунду собраться и действовать.

Всё будет быстро и для него незаметно. И всё решит первая секунда. Первая эмоция, первый импульс, который он готов мне отдать. Ём мне симпатичен, а много мне не надо. Один глоток – и я уйду.

Я всё спланировала, наметила, подобралась – как вдруг почувствовала, что он целует меня в глаза.

Ударило сильно и резко – в голову, я рванулась в сторону. И тут же защемило сердце так, что я не сразу смогла вздохнуть.

– Ты чего? – Ём рывком отстранился и посмотрел удивлённо. Я хватала ртом воздух, глядя на него во все глаза, и не узнавала. Будто только сейчас увидела. Это был *он* – тот, ради кого меня вытянуло на сей раз из Леса. Я знала это точно. Сердце у нас только в одном случае болит.

Очнуться! Вот что значит – *очнуться!*.. Как же ты прав, Яр.

– Эй? Всё нормально?

– Да, да. Всё совершенно... восхитительно, хорошо...

Он улыбнулся и стал приближаться снова. А я принялась отодвигаться, не в силах отвести от него глаз. Меня колотило. Что-то в нём было не так. Но чем он отличался от остальных? Обычное лицо. Ну да, глаза, не отмеченные русской хандрой, европейская улыбка, серёжка в правом ухе. Серёжку я сначала не заметила – крохотная скрипочка. Нет, дело не в этом... Жизнь! Откуда в нём столько жизни? Мне не вынести, ни за что не вынести столько! Но ведь так не бывает. Её не может быть столько в одном человеке. Откуда?

Кажется, я начала говорить вслух. Он рассмеялся:

– Ты о чём? Какой ещё жизни?

– Во всех людях есть привкус смерти, такая гнильца. Ленъ,

бездействие, которые ведут к разрушению. А в тебе нет. Как такое может быть?

– Эй, я тебя не понимаю. Ты со мной говоришь? – он засмеялся.

– А самоубийство? Ты ещё ни разу не думал о самоубийстве?

– Что значит ещё? Я что, похож на идиота? Ты о чём?

И правда – что я несу? Так нельзя говорить с ними, с людьми, для кого мы – духи, тени, следы на песке. Жити. Теперь – жити.

Очнуться. Очнуться – и стать житью. Ради этого выйти из Леса. Ради этого покинуть родную нору. Очнуться и жить. Боги, жить, опять, снова!

Лопатками я почувствовала стену, а он всё тянулся ко мне, и расстояние между нами становилось всё меньше, жутко, невыносимо мало, уже не вздохнуть. Я зажмурилась, потому что закружилась голова, а когда открыла глаза, он смотрел встревоженно:

– Тебе всё-таки плохо?

– Нет. Да. У меня это. Эти... Мне надо в туалет. То есть в ванну. – Я изобразила, что меня скрутило, и, опираясь на его руку, поковыляла в ванную комнату. Рывком захлопнула за собой дверь, открыла оба крана и села на кафельный пол.

Вот тебе и *очнуться*. Очнуться и увидеть, что ты только что чуть не объела своего человека. А Яр говорит, что перепутать нельзя. Яр говорит, это всегда как выстрел. Выстрел,

да уж.

Я закрыла лицо руками. Нежить, я нежить, поросшая мхом. Даже не удержалась и проверила: нет ли хвоста? Нет, вроде пока нет. Но мне было жутко, ужасно стыдно. Что я делала, что говорила ему сегодня? И как теперь быть? И ведь нельзя сделать так, чтобы он всё забыл, мне теперь с ним встречаться и встречаться. Может, я всё-таки ошиблась? Но нет, теперь я ясно видела – это именно он, *мой* человек, тот, с кем мне теперь жить вместе, страдать вместе, жизнью этой упиваться вместе – пока не выйдет он к порогу, пока мне не придётся решать, оставить его жить или нет. Он мой, весь мой, до последнего позвонка и этой скрипочки в ухе. Связанный по рукам и ногам – жизнью и смертью. И этого нам не изменить.

И всё-таки надо как-то отсюда выбираться. Не сидеть же теперь в ванной, пока ему не придёт в голову утопиться. Да и топиться будет негде... Пора уходить.

С колотящимся сердцем, стараясь не смотреть Ёму в глаза, я вышла в коридор. Сослалась на женские дни, на головную боль и магнитную бурю на Марсе. Он, конечно, не поверил, но, похоже, простил. Потом я долго отговаривалась, чтоб не остаться на ночь. Он обещал лечь на антресоли, а диван уступить мне. Обещал крепкий сон и неприкосновенность. Потом, конечно, собрался меня провожать. И пошёл бы. Пришлось выскользнуть за дверь первой и расстроить замок. Это несложно. Ём остался в квартире. «Подожди. Эй,

слышишь? Я сейчас. Вот чёрт...» – «Ничего. Спи. Позвони завтра. Спокойной ночи». Он ещё поколотился, потом пошёл за инструментом. Сейчас уснёт, не заметив. Это тоже очень просто, проще, чем замок.

На площадке, в углу за лифтовой шахтой дремал огненно-воздушный, призрачный, сотканный из лепестков холодного пламени дракон – Цезарь, дорогой мой ифрит. Яр послал его за мной. Волнуется. Конечно, ничего со мной не случится, но брат всё равно порой волнуется и отправляет Цезаря. Почуввав меня, дракон повёл носом, отцепился от потолка и с тихим шелестом потёк следом.

А над Москвою ночь. Ах, какая ночь! От Тверской до Чистых прудов – плотная, тугая. Стылый воздух, луж искрящихся сиянье. Свет полной луны, вечной луны заполнял улицы и переулки древнего города. Тень грешного Якоба Брюса мелькала по стенам на уровне второго этажа. Я старалась не думать о Ёме. Старалась вообще не думать. Идти и пить город. Идти и пить его ночь, его холодную, потустороннюю свободу. О, тот не знает её, кто не глядел этому городу в душу. В чёрную его, тонущую в веках, реющую над лихоletьями душу. И тот не видел её, кто не бродил ночами по переулкам Китай-города и Лубянки, от Арбатских дворишков до Чистых прудов, не смыкал разбитого Бульварного, не видел стен Кремля в язвах времени.

От Тверской до Мясницкой. Блестели под ногами лужи, и

ночь плыла над Москвою, и луна топила её неистовым сиянием, и я не могла уже не думать о Ёме.

А над городом стояла, всё побеждая, пьяная, нагая, молодая совсем весна.

# Глава 3

## Джуда

### 1

Тополь единственный из всех деревьев имеет две души: солнечную и лунную. Первую видно днём, и она неотличима от душ берёзы или клёна. Вторую можно разглядеть только ночью, когда весь тополь стоит в серебре, как река, полная рыбы. Река эта проистекает с неба на землю, и рыба кипит в лунном свете, как тополь, искрящийся на ночном ветру.

Лунная сторона – это я, солнечная – мой брат, Яр. Я порой так и представляю нас сидящими на одном дереве. Я слева, он справа; он на солнечной стороне, я на лунной, и между нами проходит граница суток.

У нас с ним всё на двоих. Одно имя, одно пробуждение – и только люди, ради которых мы выходим из Леса, разные. Яр всегда знает, что делаю я, а я – что происходит с ним, как если бы это было со мною. Поэтому он считает, что некогда мы были одной сущностью, бинарной и гермафродитной, как всякая нежить, а потом разделились.

У нас с ним и жребий один на двоих, поэтому судьбу своего человека выбирает только тот, кто делает это первым:

жить или нет. Второму достанется то, что осталось, – маленький матовый шарик, горошина, жемчужина, белая или чёрная – дар жизни или лёгкой смерти. Первая спасает от всего: от отравлений, удушья, вскрытых вен, разбитой головы, харакири, оружейного выстрела в любую часть тела, в том числе в висок. А вторая помогает только от одного – от жизни. Но обе сработают, лишь когда человек приблизился к порогу. Сам. Мы здесь всегда ради самоубийц.

В ГУМе по утрам гулко, просторно. Мы сидим в кофейне на верхнем этаже, под самой крышей, и снопы света бьют в стеклянный свод. С моста над этажами видно насквозь всю прозрачную, стеклянную громаду здания, фонтан, искусственные деревья, стенды и выставленный для рекламы автомобиль. Перегнувшись через перила, я наслаждаюсь игрой света в стёклах витрин. Много света и воздуха. Много простора, и гулкие, редкие звуки долго гуляют внизу. Как в горах.

– Это самый могучий флегматик изо всех, кого я когда-либо встречала! – громко рассказывает Евгения. Говорят по-французски. Они могли бы выбрать любой язык, но о деле предпочитают по-французски. Не спрашивайте меня почему. – Я не представляю, что надо сделать, чтобы вывести эту рыбину из себя.

– Ты с ним говорила? – спрашивает Яр, переворачивая страницы меню. Делает вид, что выбирает. Хотя все мы зна-

ем, что возьмём только кофе. Маленький. Эспрессо. И двойной эспрессо – для Евгении.

– Я приходила к нему в контору. Знакомилась. Пыталась настроить контакт. Какое там! – Она расстроено взмахивает руками.

Официанты поглядывают из-за стойки. Наконец одна девушка подходит к нам.

– А, дорогуша, наконец-то! – говорит ей Женя по-русски. – Четыре кофе, пожалуйста. Без молока.

– Моп аті, обернись, скажи, что ты будешь, – обращается ко мне Яр.

– У нас с собаками нельзя, – говорит официантка.

– С собаками? – удивляется Женя. – С какими собаками?

– С любимыми. Особенно с такими.

Александр не поднимает головы от ноутбука, он знает, что Евгения всё уладит. Громадина Эйдос цвета топлёного молока, с белым брызгом на умной, лобастой морде, лежит под столом у его ног и ухом не ведёт. Это Яр как-то достал его из небытия. Несколько пробуждений назад он обнаружил, что способен на такое – доставать из праматерии неявленные предметы и давать им форму. В то время ему было смертельно скучно. От раза к разу его люди выходили к порогу раньше моих, и он расправлялся с ними – быстро, без сожаления, не вдаваясь, присуждал смерть и равнодушно уходил. Но неожиданно обнаруженный дар вылечил его от хандры. Тогда-то у нас появился Цезарь, а следом Юлий. Хотя я

просила собаку. Однако после Юлика Яр понял, что третью сущность мы не потянем, поэтому собаку – отличного кобеля, здорового, как телёнок, какой-то старинной породы, чьи изображения встречаются на воротах Вавилона, – мы подарили Александру. Его следовало бы назвать Гаем, но Александр нарёк его Эйдосом, как того, кто явился из мира идей – наш Александр до сих пор сучает по античности.

– Девушка, нельзя ли потактичней, – говорит Евгения, понизив голос, но я уверена, что и за стойкой её прекрасно слышно. – Это не собака, это поводырь.

– Поводырь? А кто из вас слепой? – Официантка на всякий случай тоже понижает голос.

– Mon ami, обернись, – повторяет Яр.

– Вы разве не видите? – говорит Женя и выразительно поводит подбородком в сторону Александра. Тот сидит перед монитором, не снимая чёрных очков. В одном ухе у него – таблетка наушников. Официантка в растерянности. Молчание.

– Что же вы стоите, дорогуша? Четыре кофе, я же сказала.

– Но как это – с компьютером? – пробует девушка последний аргумент.

– Вы что, никогда слепого с компьютером не видели? Он ему в ухо пищит.

– Mon ami, в конце концов это ребячество!

– Ах, оставь её. Я уже заказала кофе на всех, – говорит Яру Женя по-французски. – И один двойной! Пожалуйста! –

кричит вслед официантке.

Я давлюсь смехом.

– Дурацкие порядки, – ворчит Александр, не отвлекаясь от монитора.

– А вы, как я погляжу, успели их изучить, – замечает Яр.

– Скоро сами всё выучите, – говорит Женя, как всегда громко и резко. Такая женщина, как она, должна любить всё яркое, вкусное, дорогое, мягкое и красивое. Она и сама крупная, заметная, с гривой золотых вьющихся волос с белым, мягким, очень привлекательным, хотя и несколько мужеподобным лицом. Её глаза искрятся жизнью, а фигура такая, что залюбуешься. Ни за что нельзя догадаться, что она гермафродит. Впрочем, как все нежити. Кроме нас с Яром. Но это я говорила.

– В общем, я не знаю что делать. Флегма, флегма и флегма, – продолжает о своём человеке. – У него мать-старушка, божий одуванчик, две недели назад свалилась с инсультом. Паралич, все дела. Я было оживилась – ну вот, впору о жизни задуматься. О смерти. Какое там! Как жил, так и живет. Разве что теперь ездит к ней в Подмосковье по выходным.

– Ты оцениваешь его со своей колокольни, – говорит Александр, щёлкая клавишами. – Тебе стоит взглянуть на него чужими глазами.

– Твоими, что ли? – шутит Женя и сама же смеётся.

Официантка приносит кофе. Александр, пропустив колкость, захлопывает ноутбук, снимает очки и сладко потяги-

вается. Эйдос поднимает на него умные чёрные глаза, лупит хвостом.

– Лежи, лежи, – бросает ему Александр.

Вот кому должен был достаться флегматик. Сильнейшее его качество – спокойствие и умение ждать. Он никогда не говорит лишнего, сдержан и просчитывает всё наперёд. Поэтому всегда знает, что впереди. Собственную интуицию подкрепляет гаданием на рунах, бараньих лопатках, полётом птиц, гланием в хрустальный шар... Он большой специалист в таких делах. Сейчас перешёл к компьютерному прогнозированию – говорит, процентная вероятность ошибки примерно та же, а времени занимает меньше.

Александр старше нас всех. Мне страшно представить, сколько раз он появлялся на свете и сколько всего успел повидать. Его пытались убить. Нас всех, если верить Яру, пытались когда-либо убить, но с Александром связана совершенно жуткая история.

В XIV веке он жил где-то в Европе и попал под суд инквизиции. В течение месяца он испытывал на себе всё, что мог испытать человек в его положении, и не сделал ничего, чтобы спастись. Запретил другим нежитям вмешиваться. А потом его не стало. И мы узнали, что с ним было, только в следующую встречу.

Он рассказал, что ему было интересно. Он хотел знать, на что способны люди с обеих сторон мучений. Как связаны жертва и её палач. И есть ли предел возможности нашего те-

ла. Не человеческого – его предел известен. А нашего. Выяснилось – нет. Дождаться смерти Александру не удалось. Он исчез обычным, естественным для нас образом: дав жребий своему человеку.

Потому что он всё это время был с ним – это и был его инквизитор. С невероятным упорством и изощрённостью он выдумывал всё более тяжёлые пытки, вытягивая из Александра жизнь до дна. Он приходил в бешенство от того, что не находил дна этой жизни. Он не понимал, как это может быть, и верил всё крепче и стремился уверить других, что Александр – ведьма (тогда он был женщиной). Могло дойти до костра, и Александр задумывался, что из этого получится. Но не дошло.

Потому что однажды этот человек пришёл к нему в камеру, и случилось то, что случается с каждым из нас в итоге пути: он стал говорить о своём смертельном отчаянии. Он был на пороге. Как и отчего это случилось, я не знаю. Я знаю только, какой жребий дал ему Александр: избитый и изглоданный пытками, он дал ему жизнь. Он позволил ему жить дальше, а сам с чистой совестью шагнул за предел бытия.

В этом весь Александр. Я до сих пор не понимаю, почему он так поступил. Однако с тех пор он ни разу не пробуждался женщиной и не пробуждался вообще – вместе со своей лунной сущностью он утратил забытьё. Теперь он всегда здесь, и когда бы ты ни очнулся, можешь быть уверен, что Александр где-то рядом. Жизнь его превратилась в череду

людей, которых он оттаскивает от края. В череду спасённых женщин, потому что, будучи мужчиной, жить способна помочь только женщине, и наоборот. Я не знаю, с чем это связано, но это закон.

– Что ж, друзья, расскажите, что у вас нового? – спрашивает он, вдоволь насладившись ароматом кофе. У него мелодичный негромкий голос, тонкие красивые пальцы – он держит чашечку. Если бы не глаза, он был бы неотразим.

– Да ничего, – пожимаю плечами.

– Мы недавно здесь, – добавляет Яр. – Обживаемся.

– Встретили уже своих?

Брат молчит. Я смотрю на него и понимаю, что отвечать он отчего-то не хочет. Но ответить надо.

– Пока непонятно, – говорю уклончиво за нас двоих. Яр смотрит в сторону.

Александр ставит чашку, заглядывает мне в глаза и вдруг накрывает мою руку своей ладонью. Говорить он не любит. А глаза у него из стекла или чего-то похожего на стекло. Он сделал их сам. Свои потерял во время инквизиции. Хорошие получились глаза, однако в них неприятно смотреть. У нас всех, говорят, холодный взгляд, но в сравнении с глазами Александра – огонь. Наверное, поэтому он и носит чёрные очки. Ведь ничегошеньки он не слепой.

Не хочу, но всё же опускаю взгляд в стол.

– Ты мне не веришь?

– Почему же? Верю. Но у меня есть предчувствие, что на

этот раз всё будет необычно.

– У кого?

– У тебя. У меня. У всех.

В это время Женя берёт его чашку, махом выплёскивает кофе под цветок, возле которого сидит, и ставит на место. Со своей она уже расправилась. Я забираю свой кофе, пока она и его не вылила. Ароматный, ещё не остыл.

– Лучше расскажи ребятам, как поживает твоя, – спрашивается Женя. – Они же ничего не знают.

– Неплохо. Совсем неплохо. – Александр снова откидывается на стуле.

– Он её уже дважды спасал от ДТП, один раз прятал от полиции, три раза предотвращал несчастные случаи, в которых та получила бы увечья, не совместимые с жизнью, и даже вытаскивал из петли, – говорит Евгения. – Это за неполные три недели!

– Вытаскивал из петли? – изумляемся мы с Яром. – Так и что же... и почему же не?... – Мы хотим спросить, почему Александр тогда же не отдал ей жребий, но стесняемся.

– Женечка преувеличивает. – Александр снова надевает очки.

– Хочешь сказать, ничего не было! – возмущается она.

– Не скрою, было. Но моя роль мала. Я действовал заранее, предвосхищая её шаги.

– А как же самоубийство? – не удержалась я.

– Это было не самоубийство. Она повисла в альпинист-

ской обвязке. Решила заняться популярным спортом.

– Геккон, – фыркнула Женя.

– И сорвалась, разумеется, – заканчивает Александр. – Мне надо было только заранее перевязать верёвки, чтобы она не разбилась. Повисла в петле. А вообще мой объект обладает на удивление здоровой психикой. О самоубийстве не думает. Несмотря на свои семнадцать.

– Самый пиковый возраст, – замечает Яр.

– Самый, – соглашается Александр.

– Ха, не думает! – Женя хлопает по столу. Эйдос поднимает морду. Официантка выглядывает из-за стойки и плывёт к нам забрать пустые чашки. – А кто состоит в клубе самоубийц?

– Помилуй! Это несерьёзно. – Александр морщится и машет ладонью.

– Что, до сих пор существует этот клуб? – Яр с интересом поднимает брови.

– Ещё бы, – хмурится Женя. – Эта зараза живучей масонства.

– Но ведь она же дитя! – изумляюсь я.

– Ха, дитя! – фыркает Женя.

– В этом возрасте раньше в рыцари посвящали, – мечтательно вспоминает Александр.

– А другие своих детей заводили. И не одного, – добавляет Женя.

– Насколько я могу припомнить, работать с людьми из

этого клуба намного легче, – говорит Яр.

– Вот бери и работай, – ухмыляется Женя.

– Дело усложняет тот факт, что для них это спорт. По-настоящему о смерти никто не думает. К порогу не выходят. Поэтому приходится беречь, – уточняет Александр.

– До поры, – смеётся Женя. – Ничего, батенька, работайте, работайте, вам полезно. Мы верим в тебя.

– Спасибо, – улыбается Александр, оценив сарказм, и снова углубляется в ноутбук. Женя хмурит лоб – вспомнила про своего флегматика. Яр отвернулся – думает о вчерашней встрече. А я сижу, вцепившись руками в чашку, всё не могу с ней расстаться. С каждым вдохом пьянею. С каждым вдохом сердце стучит громче. Перед глазами – Ём, и душа умывается стыдом. О, Лес, помнит ли он меня? А если помнит, что обо мне думает? И когда же, когда же, чёрт побери, он позвонит?

## 2

– Каждый раз, выходя из дома, она придумывает себя заново, – говорит Юлик, неистово раскачиваясь в гамаке. Того и гляди оборвётся. – Жизнь её полна людьми и историями, как гранат – ядрами. И так же, как гранат, истории эти состоят из сладкой оболочки цвета крови и выводов, жестких, как слезы.

– Хорош, – фыркает Цезарь. – Баян!

– Снова цитата? – подозрительно косится Яр.

– Что вы, светлейший! Чистой воды отсебятина.

– Ладно, хватит литературы. Ближе к сути, – ворчит брат.

– К сути? Хорошо. Ей тридцать один год. Зовут Джуда.

По паспорту – Катерина, но никто, конечно, уже не помнит о том, даже она сама. Сегодня в девять вышла из дома. Сначала Садовая. Там её школа. Авторская школа свободного танца. Очень популярная тема. Будет заниматься до полудня. Потом...

– Позвони ещё раз, – перебивает Яр.

– Князь, пять минут как, – пытается возразить Юлик.

– Позвони, – отрезает Яр. Юлик пожимает плечами и снова набирает номер. Мы дружно обмираем, не сводя с него глаз. Юлик слушает гудки и, не получив ответа, жмёт отбой.

– Ты должен быть рядом, за каждым шагом следить, – говорит Яр, буравя его глазами. – Мне нужна встреча. Сегодня!

– Полноте, князь. Она никуда не денется. Процесс запущен. Всё под контролем.

Но спокойствие Яру даётся с трудом. Блуждая взглядом, он попадает на Цезаря. Тот сидит за столом, подперев кулаком голову, читает из интернета Афанасьева и тихонько посмеивается.

– Ты попробуй, – командует Яр. Цезарь поднимает на него удивлённые глаза. – Давай, давай, нечего без дела сидеть.

– Князь, пусть лучше Юлик, это его амплуа...

– И слышать не хочу, – говорит Яр. – Действуй.

Цезарь тяжело поднимается из-за стола, подходит к Юлику, тянет руку за телефоном. Тот посмеивается, довольный, что не ему одному досталось.

– Яр, не надо, – не выдерживаю я. – Они её спугнут, только хуже станет.

Примерно час назад Юлик дозвонился и начал рассказывать, что поклонник её таланта, пожелавший остаться неизвестным, ждёт её сегодня в семь вечера в ресторане, столик заказан. «И наденьте лучшее платье», – ляпнул Юлик, когда всё почти сложилось. «А бельё?» – спросили на том конце провода. «Что – бельё?» – опешил Юлик. «Он не уточнил, какое я должна надеть бельё?» – спросила Джуда и бросила трубку. И больше её не брала.

– Княжна вельми верно глаголет, – поддакивает Юлик.

– Пусть позвонит, – упрямится Яр.

– Брат, не надо. Дай ей время. Она не поверит.

– Право, князь, – вставляет и Цезарь. Яр смотрит на нас такими глазами, будто мы сговорились, потом машет с досадой и отходит в угол. Становится под окном. Стоит и смотрит на пыльное небо.

– Давай на щелбаны, – вполголоса предлагает Юлий Цезарю, сообразив, что брат отступился.

– Давай, – быстро соглашается Цезарь.

Юлик кувыркнулся из гамака, и они начинают вместе:

– Я знаю тринадцать надёжных способов. Утопиться – раз.

– Застрелиться – два.

– Отравиться – три.

– Повеситься – четыре...

Это их любимая игра. От нечего делать. Страшно интеллектуальная: кто задумается с ответом или повторится, получает щелбан. Меня от неё всякий раз трясёт.

– Прекратите! – обрываю их.

– Из окна выпрыгнуть, – говорит в этот момент Цезарь, а Юлик отвлётся, обернувшись ко мне.

– Щелбан! – провозглашает Цезарь и отвешивает ему со всей любовью.

– А что я-то, что сразу я? – Юлик, морщась, трет лоб. Рука у Цезаря – камень. – Я понял: я вас всех раздражаю! – говорит он тоном оскорблённой невинности и театрально воздевает руки. – Я всегда крайний, я всегда всё делаю не так. Мы с Цезей напортачили вместе, а виноват я. Ладно, – говорит он потом и опускает руки. Они падают плетьюми. – Работать – значит работать.

Отходит в угол, достаёт телефон и набирает заветный номер.

– Подожди, – говорю. – Ничего-то вы не умеете. Есть другой номер, по которому с ней можно связаться?

– Есть. У секретарши. Настасья, – отвечает Юлик обескураженно, но всё-таки набирает – и протягивает мне трубку.

Я чувю, что Яр оторвался от созерцания и смотрит на меня. Трубка отзывается гудками, затем слышен приветливый женский голос.

– Девушка, здравствуйте, – говорю, инстинктивно отворачиваясь, – так вцепились в меня глазами все трое. – Я могу поговорить с Джудой? Занята? А с кем я?.. Анастасия Евгеньевна, это главный редактор журнала «Данс энд бьюти». Мы бы хотели пригласить Екатерину Семёновну на интервью, она сможет уделить нам время? Да. Около получаса. Спасибо большое. Запишите, пожалуйста, адрес. Столик заказан на троих, будут наш журналист и фотограф. Ага. Да. Если что-то изменится, пожалуйста, пусть она мне перезвонит.

И нажимаю отбой, обвожу всех победоносным взглядом, а сама вижу словно перед глазами, как где-то рыжеволосая девушка кладёт трубку и другая, стоящая рядом, спрашивает кивком головы – что? Я знаю, ту же картину видят и все остальные.

– Не поверила, – говорит Яр.

– Не поверила, – соглашаюсь я. – Но придёт.

### 3

Настасья – ведьма. Настасья – гюрза. Фурия на чёрном драндулете. Рыжие волосы выбиваются из-под блестящего шлема, а мимо летит сияющая, мокрая Москва. Мопед взят у приятеля напрокат. В принципе, можно было бы дойти пешком, от школы два шага. Можно было бы поехать на собственном автомобиле. Но Настасья сказала: «Нет. Вдруг при-

дётся удирать? Прятаться и путать следы. И что если пробка? На мопеде быстрее». Убегать и путать следы её научили на митингах три года назад. Настасья – прожжённая штучка.

Джуде было весело. План предложила Настя, она была свидетелем всех дурацких утренних звонков и тут же выложила свою идею, стоило только Джуде сказать, что она всё-таки на встречу пойдёт. План показался остроумным, и она согласилась.

К ресторану на Цветном бульваре подлетели как штык – к семи. Но ставить рядом драндулет нельзя. Завезли в проулок. Там и припарковали к столбу.

– Я быстро, – говорила Настасья, снимая с головы инопланетный шлем, и рыжая копна рассыпалась по плечам. – Ждите, и никуда. Главное, не вздумайте волноваться. Нервы могут предать лучшего разведчика. – Она расстёгивала высоченные ботфорты.

– Ты только не молчи, – попросила Джуда, чувствуя, как начинает подниматься волнение. Потому что отпускает Настю одну, а ведь она совсем ещё девочка и вообще в этой истории ни при чём.

– Я что, сорока, чтобы трещать? – отвечала снизу Настасья. С начальницей она всегда говорила, как с подругой, а сейчас и вовсе чувствовала себя главной. Выпрямилась, подтянула кофточку до живота и стала расстёгивать ремень джинсов. – Это вы, если чего, сигнальте.

Волнение плеснуло снова. Надо было мужиков позвать.

Или самой идти, думала Джуда, глядя, как фигуристая её секретарша – Настя в танцах с четырёх лет – стягивает с себя узкие, в облипочку, джинсы, тут же расправляя вниз красную кофту. Кофта обернулась мини-платьем, а под ним – чулки. Джинсы свернула и сунула в рюкзак, рюкзак – на руль. Заново обулась в сапоги, молнии – вжик, вжик – до колен, из рюкзака – крошечный лакированный клатч, в нём помада и передатчик. Гарнитура – в ухо. Рация – у Джуды.

– Ну всё, я пошла.

– Ни пуха.

– К чёрту.

И поцокала на каблуках, поплыла, покачивая кормой, на свет мерцающей пристани. Джуда залюбовалась.

Оставшись одна, прислонилась к мопеду. Время в тёмном пустом проулке остановилось. Время ушло вместе с Настей – ушло на бульвар, где толкались в пробке мокрые автомобили. Что-то неправильно, думала Джуда. Волнение усиливалось. Не стоило её отпускать.

Ей представился лысый олигарх в белом костюме. Почему лысый, она не могла сказать. Где он мог увидеть её? Джуда не танцевала уже полгода. Практически не танцевала, если не считать корпоратива три недели назад. Кто там был? Можно спросить у Айса, это он её туда позвал. Вообще стоило сперва позвонить Айсу: он привык разруливать сложные ситуации, мог бы что-то подсказать. Только теперь поздно, хорошая мысль всегда опаздывает.

– Иван, Иван, я Марья, – послышался в рации искажённый голос.

– Настя! Как ты? – Джуда поспешно выхватила аппарат.

– Норм, – ответил голос. – Вхожу. Заведение путёвое. Ка-маринскую играют.

Что бы ещё там могли играть? Джуда усмехнулась.

– Пока тихо. На связи, – сказала Настя и отключилась.

Ресторан Насте сразу понравился. Уже по ценам в меню, выставленном на улице, можно судить о толщине кошелька человека, назначающего здесь свидание, – в интервью они не верили ни минуты. У входа был маленький гардероб, где вежливая девушка-киргизка спросила, будет ли она что-то сдавать. Сдавать Насте было нечего, разве что чёрную косуху, но вдруг придётся убежать? Она сняла куртку, повесила на локоть и прошла к двери в зал. Отметила краем глаза, как девушка перевесилась через стойку, рассматривая её сапоги.

Здесь всё было оформлено в стиле русской избы – из стен проступали венцы сруба, с потолка свисали косицы пластмассового лука, под ногами лежали домотканые коврики. В дверях встречал молодой человек в косоворотке и сапогах.

– Добрый вечер, столик на одного?

– Меня должны ждать, – ответила Настя, отбрасывая как бы невзначай волосы, а между тем быстро оглядываясь.

Залов было два. Один большой, с лавками и массивными столами. В другом, поменьше, отделённом жёлтым заборчи-

ком, часть столов была убрана, там шёл детский праздник. Два затейника с баянами заводили громкими криками и музыкой толпу детворы. Настасья отметила, что всё это ну никак не подходит для свидания.

– Вы Джуда? – спросил парень, почему-то понизив голос.

– Да, – кивнула Настасья.

– Проходите за тот столик, пожалуйста.

Он повел рукой в большой зал, но Настя, прежде чем глянуть в указанном направлении, ощутила, как кровь прилила к голове. Стало жарко, сердце заколотилось. Так не годится. Надо успокоиться. Сесть. Осмотреться.

– Погодите, – она остановила парня за руку. – Могу я пока одна присесть? Мне надо... Я потом...

– Как хотите, – пожал он плечами. – Вам столик на одного?

– Неважно. Мне здесь подойдёт.

И она опустилась за столик у входа. Отсюда было очень удобно наблюдать за столиком, расположенным в дальнем конце большого зала, на который ей указали. И уйти отсюда при желании можно легко.

Там сидел крепкий мужчина лет тридцати пяти. Лысый. В белом костюме. Настя отметила, что на брюках ни пятнышка. Значит, приехал на машине. Возле дивана стояла трость с серебряным набалдашником в виде собачьей головы. На столе – белая шляпа. Эта шляпа отчего-то особенно поразила Настасью. Так и представился ей белый лимузин, а в нем

– этот господин. В шляпе. Сердце заколотилось. Правильно, что она подменила Джуду. Что ей надо? У неё всё есть, и вообще ей тридцатник. А Насте как раз не хватает для счастья белого лимузина. Ну и мужчины в шляпе, куда ж без него?

Господин в костюме ничего не ел и не пил. Сидел в расслабленной позе и рассматривал зал. То и дело бросал взгляд на выход. Глаза его случайно скользнули по ней, и Настасья поспешила закрыться меню. «Господи, что я делаю! Он же не может меня узнать, чего я разнервничалась?» Но сердце колотилось как сумасшедшее.

– Всё ок, объект определён. Иван, как слышишь?

– Марья, приём. Слышу тебя нормально. Будь осторожней, пожалуйста!

– Да всё нормально, не переживайте. Веду наблюдение.

– Настя, что там?

– Да мужик какой-то, не поняла пока. – Настя старалась говорить равнодушным тоном.

– Хорошо, до связи.

В детском зале зажигали:

– А кто умеет танцевать «барыню»? Ты? Ты? И ты умеешь?

– И я, – проворчала Настя, продолжая наблюдение. Объект не шевелился. Ничего не читал. Не взглядывал на часы. Он вообще выглядел невозмутимо, и Джуда подумала было, что это не сам объект, а его охрана, если бы не печать интеллекта на лице.

– А я говорю, все умеют! Это очень просто. Хотите – научу? Ручки подняли. Подняли, подняли. И давайте: влево, вправо. Влево. Вправо. Все вместе!..

Вразвалочку, раскачиваясь, заиграла знакомая мелодия, и дети замахали руками в такт.

К мужчине в белом подошёл официант, почтительно переломился в талии. Тот быстро и вежливо что-то ему ответил, официант ушёл. Видно было, что вежливо, а не абы как. Нет, мужик вообще чёткий. И пафоса ноль. И ресторан какой выбрал. А может, он хозяин?

«Барыня» ускорилась. «Быстрее, быстрее!» – подзадоривали аниматоры. Детки усердно махали лапками. Со стороны это напоминало автомобильные дворники. Настасья представила, как в дождь в пробке стоят сотни две машин и синхронно машут дворниками, а над пробкой и дождём несётся жизнерадостное: «Барыня ты моя, сударыня ты моя...». Детишки не выдерживали, вскакивали с пола и пускались в пляс, кто как мог.

Подошел официант:

– Заказ будете делать?

– Нет. Ах, да. Кофе, пожалуйста. Чёрный.

– Всё?

– Пока да. Только меню оставьте.

Официант с недовольным видом удалился.

– Алёнушка, приём!

– Я не Алёнушка. Я Марья, – поморщилась Настя.

– Не молчи, я переживаю.

– Да ничего не происходит.

– Здесь дождь пошёл.

– Вы можете пока зайти куда-нибудь, погреться. Здесь правда всё спокойно, можно от мопеда отойти. Только рюкзак с руля снимите мой.

– Хорошо. Если что...

– Ой, подождите. Отбой. – Настя поспешно отключилась. – Она вдруг обнаружила, что за столиком, где только что сидел мужчина, теперь никого нет.

Выглянула из-за меню и быстро огляделась. В зале его не было. В соседнем – тоже. Дети там прыгали и визжали, кто-то катался по полу.

А объект словно испарился.

Настасья даже привстала. Огляделась.

– Настя. Настя. В чём дело? – трещало в ухе. – Настя! Марья! Приём!

– Подождите, не сейчас! – Она снова нажала на отбой. Может, в туалет ушёл? Не бежать же за ним туда. Но шляпа? Не было ни трости, ни шляпы. Кто пойдёт в туалет, забрав шляпу и трость?

– Не волнуйтесь, дорогая Анастасия Евгеньевна, – услышала она голос позади себя и обернулась. Кажется, даже вскрикнула от неожиданности. В проходе стоял высокий тип с кепкой в руке. – Не волнуйтесь, он никуда не ушёл. Просто отлучился.

Настасья попыталась на ощупь включить рацию. В эфире шли помехи, в ушах затрещало до боли.

– Не надо, вот этого не надо, – пропел тип елейным голосом. – Не морщите свой милый лобик. Эта штучка, – он положил на стол чёрную коробочку, – глушит радиосигнал. Присаживайтесь, дорогая. Ещё кофе? А там, глядишь, и Цезарь вернётся.

– Цезарь?

– Цезарь. Приятель мой. За которым вы наблюдали.

В рации стоял треск. От отчаяния Джуда давила на все кнопки, но связь была утеряна. Что-то случилось. Что-то дурное. Надо было срочно действовать. Она схватила Настин рюкзачок и вышла на бульвар под козырёк ресторана. Чего проще было войти и убедиться, что с Настькой всё в порядке. Но что-то остановило. Ещё казалось, что это не по-настоящему, просто глупая игра, которая выходит из-под контроля.

– Спокойно, спокойно, – уговаривала себя, доставая мобильник. Заметила, как трясутся руки. На проезжей части стояла мёртвая пробка, светили фары, разбивая ночь, работали дворники, разбивая дождь, но людям в этих машинах не было дела до неё и её беды. Джуда поняла, что давно не чувствовала себя так одиноко. В телефоне – железная непробиваемая тётка: «Недостаточно средств для совершения вызова». Вот чёрт! Джуда обругала себя. Кто же идёт на авантюру, не положив деньги на телефон? Побежишь сейчас класть – а

они и выйдут. Подъедет чёрная машина, Настьку – хватать! – и не сыщешь ни за что в жизни. Джуда обмерла, так хорошо представила это себе.

– Да, я ему говорил. Да. Не знаю, чем они думали. Слушай, я опаздываю, давай завтра обсудим.

Мимо уверенным шагом шёл мужчина. В одной руке – зонт, в другой – мобильный. Недолго думая, Джуда шагнула к нему:

– Молодой человек! На секундочку! Можно ваш телефон, позвонить? Там человек... девушка... пропадает!

Он остановился и смерил её взглядом. Без удивления, скорее с любопытством. Джуда вдруг почувствовала, как кольнуло сердце. Сбилось с ритма, так что пришлось закрыть глаза. Спокойно, спокойно, сейчас всё пройдёт. Ну и нервы стали...

– Я понимаю, вы торопитесь, но мне очень нужно.

– Хорошо. Раз надо. Держите.

– Я заплачу!

– Ерунда. Звоните.

Он передал ей трубку. Джуда быстро набрала номер. Тишина разорвалась гудками, и Джуда не сразу сообразила, что в ответ на них телефон трезвонит и подпрыгивает в Настинном рюкзачке.

– Вот дура! – не сдержалась она. – Извините. Спасибо... – Вернула трубку.

Игра вышла из-под контроля. Пора её прекращать. Надо

сейчас же войти и всё выяснить.

– Ну-ка выкладывайте, что случилось? – спросил незнакомец.

– Ничего.

– У вас такой вид, будто речь идёт о жизни и смерти.

Джуда подняла на него глаза. Сухое, серьёзное лицо. Лицо человека, который много знает о жизни. И, возможно, о смерти.

И тут же, не ожидая от себя, всё рассказала. Вот так вот, первому встречному. О странных утренних звонках. О Настиной идее с подменой. Подменились, ничего не скажешь. Надо теперь вытаскивать её, а как?

– Я всё понял. Давайте войдём, – сказал он.

– Нет, погодите! Так нельзя!

– Отчего же? Вам больше нравится стоять под дождём и дёргаться от неизвестности? Что за люди!

И он отправился в ресторан. Джуда ощутила себя девчонкой и быстро пошла следом.

В фойе было тепло. Незнакомец закрыл зонтик и уже проходил к залу. Джуда отчётливо представила, что Настя там нет. Они войдут, а её нет. И никто не заметил, с кем и когда ушла. Что тогда?

– Вам столик на двоих? – перед ними тут же возник молодой человек в косоворотке.

– Мы ищем друзей, – ответил мужчина, оглядываясь. Так

уверенно и спокойно, будто каждый день вытягивал глупых барышень из рук негодяев.

– Пожалуйста, – посторонился молодой человек.

– Пойдём, – кивнул новый знакомый Джуде, но та помотала головой:

– Не надо.

Потому что Настасья – вон она. Сидит в глубине зала и хохочет в обществе двух мужчин. Один – высокий, другой – лысый, в белом костюме, он-то и кормит её шутками. А Настасья! Заливается, красавица, зубами сверкает. Вот ведь... гюрза.

– Я так понимаю, с вашей подругой всё в порядке, – сказал незнакомец и вывел Джуду из ступора. Он глядел на неё через зеркало. Она перевела взгляд – и встретилась с его глазами.

– Да. Извините, – сказала, возвращая сдержанность. Игра оказалась по счастью только игрой. Ей было неприятно, что она впутала чужого.

– Ничего, я не обеспокоен. Может быть, кофе выпьем?

– Не стоит. Вы спешили.

Он посмотрел на телефон.

– Уже опоздал. Давайте возьмём кофе, на улице дождь, а вам всё равно подругу ждать.

Чего её ждать! Джуда с досадой фыркнула и только тут поймала себя на том, что всё ещё глядит на Настасью, на то, как весело она смеётся, и всё ещё негодует по её поводу. А

чего негодовать? Всё обошлось, девочка жива и счастлива – ну и ладно.

Тогда она обернулась на незнакомца, внимательно взгляделась в его тёмные глаза и вдруг поймала себя на том, что ей хочется узнать, какого вкуса слюна у него под языком.

– Только сядем подальше, – сказала она и кивнула во второй зал, где как раз расставляли столы и стулья.

– Как вам угодно. Меня зовут Яр.

– Яр? Необычное имя.

Он слегка улыбнулся. Конечно, ему все так говорят.

– Ярослав полностью. А вас?

– Джуда.

– Вы не шутите?

– Ни секунды, – сказала она и позволила себе улыбнуться. – Меня уже много лет все называют Джудой.

## 4

Чувства у людей схожи, как болезни: зная симптомы, нетрудно предсказать развитие и исход. К подобному выводу легко придёт всякий, кто понаблюдает за людьми, обладая должным к ним интересом. Однако сами люди не замечают этого. Для них всякое чувство уникально и случается будто в первый раз. Меня всегда удивляло, с каким восторгом, с каким упоением они готовы рассказывать и слушать о душевных переживаниях, несмотря на то что заранее из-

вестно, чем кончаются все эти истории. Но из этой страсти к чужим историям родились человеческие искусства, и уж не нам, нежителям и жителям, осуждать людей за то, что подвигает их к творчеству. К сожалению, нам оно чуждо, несмотря на то что чувством прекрасного мы наделены куда как острее, нежели люди. Только это, похоже, не имеет значения: творить мы всё равно не умеем.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.